

Запрестольный образ в алтаре Сретенского храма Новой Деревни

Веду переписку, беседую...

[Из писем Зое Маслениковой]

...Я всегда радуюсь, когда лишний раз остро ощущаю осмысленность, целенаправленность течения жизни, значимость встреч, совпадений, откликов, отзвуков.

Январь 1969 г.

...Сегодня первый раз служил в новом месте. Тарасовка покинута. Теперь я обитатель сверхкрохотного деревянного храма. Местечко очень глухое, но на шоссе.

Чувствую огромное, давно не испытанное облегчение. Как будто жернов с шеи свалился. Спасибо, что Греция¹ Вам нравится. А то я уже почти возненавидел эту гору бумаги, нет сил к ней прикоснуться и мнительность одолевает. Но все это пустяки...

13 февраля 1970 г.

Многоуважаемая Е. Н.!

...Двадцать лет я служу Церкви Христовой своими малыми силами, из них двенадцать у Престола Божия. Я сознаю, что полон слабостей, недостатков, грехов, разумеется, не чужд и ошибкам, но, сколько помню себя, всегда был верен учению Церкви, я вынужден коснуться здесь личной стороны дела.

Вам хорошо знаком тот факт, что в интеллигенции предреволюционного периода необычайно широко распространились неверие, позитивизм и отрицательное отношение к Церкви. Многие верующие культурные люди Вашего поколения пришли ко Христу уже сами, независимо от своих родителей. Мне счастливо удалось миновать эту полосу поисков, так как я был рожден в православии не только формально, но и по существу. Семья наша издавна считала себя живущей под

¹ Речь идет о книге «Дионис, Логос, Судьба».

Мария Витальевна Тепнина

благословением о. Иоанна Кронштадтского. Он вошел в ее жизнь не из книг. Мамина бабушка, которая еще нянчила меня, бывала у о. Иоанна, и он исцелил ее от тяжелой болезни. При этом он отметил ее глубокую веру, хотя знал, что она не была христианкой, а исповедовала иудейскую религию.

Думается, что благословение о. Иоанна не осталось втуне: мать моя с раннего детства прониклась верой во Христа и передала мне ее в те годы, когда вокруг эта вера была гонимой и казалась угасающей, когда многие люди, прежде бывшие церковными, отходили от нее. Это, как Вы знаете, была трагическая эпоха, требовавшая большого мужества и верности. Поколебались многие столпы (вспомните судьбу Дурьлина или Лосева!). И мне остается только быть вечно благодарным матери, ее сестре и еще одному близкому нам человеку¹ за то, что в такое время они сохранили светильник веры и раскрыли передо мной Евангелие.

¹ Речь идет о В. Я. Василевской и М. В. Тепниной. Мария Витальевна Тепнина (1904–1992), зубной врач. На ее квартире в Рублеве иногда служил о. Владимир Кривоуццкий. Арестована в октябре 1946 г., отбыла 5 лет исправительно-трудовых

лагерей до июля 1951 г. (с. Долгий мост) и 3 года «вечной» ссылки (с. Покатеево) до сентября 1954 г. в Красноярском крае. После 1960-х гг. и до конца жизни постоянно трудилась в Сретенском храме Новой Деревни.

Наш с матерью крестный, архимандрит Серафим, ученик оптинских старцев и друг о. А. Мечева, в течение многих лет осуществлял старческое руководство над всей нашей семьей, а после его смерти это делали его преемники, люди большой духовной силы, старческой умудренности и просветленности. Мое детство и отрочество прошли в близости с ними и под сенью преподобного Сергия. Там я часто жил у покойной схиигуменьи Марии, которая во многом определила мой жизненный путь и духовное устройство. [...] Я тогда, в сороковые годы, считал (да и сейчас считаю) ее подлинной святой. Она благословила меня (23 года назад) и на церковное служение, и на занятия Священным Писанием. У матери Марии была черта, роднящая ее с оптинскими старцами и которая так дорога мне в них. Эта черта — открытость к людям, их проблемам, их поискам, открытость миру. Именно это и приводило в Оптину лучших представителей русской культуры. Оптина, в сущности, начала после длительного перерыва диалог Церкви с обществом. Это было начинание исключительной важности, хотя со стороны начальства оно встретило недоверие и противодействие. Живое продолжение этого диалога я видел в лице о. Серафима и матери Марии. Поэтому на всю жизнь мне запала мысль о необходимости не прекращать этот диалог, участвуя в нем своими слабыми силами.

Не могу не вспомнить с глубокой благодарностью и тех моих старших друзей «мечевского» направления (ныне здравствующих и умерших)¹, которые с моих отроческих лет помогали мне и направляли духовно и умственно. Со студенческих лет особенное значение имели для меня пример и установки моего духовника о. Николая Г[олубцова], который до самой своей смерти не оставлял меня своим попечением и дал мне еще один высокий образец «открытости» к миру, служения в духе диалога. Под знаком этого диалога проходило и проходит мое служение в Церкви. И теперь, надеюсь, для Вас ясно, что я потому и писал свою книгу на современном языке, потому избрал тот, а не иной метод, что для меня это было составной частью служения и диалога, которые я взял не сам на себя, но имея благословение и живя под руководством.

Январь 1971 г.

¹ Имеются в виду священник Борис Васильев, его жена Татьяна Ивановна Куприянова, Николай Евграфович Пестов, Елена Владимировна Апушкина.

[Из письма Александре Орловой-Модель¹]

Здравствуйте, дорогие!

Спасибо за книги... Я прекрасно перенес отпускное время, находясь в трудах. Летом вообще все легче из-за солнца и тепла. По-прежнему мы молимся за вас в нашем маленьком храме... Я много в этом году трудился по хозяйству (как Робинзон)... Пишу я тоже много: сейчас тема моя — последние века религиозной истории перед Р. Х. Масса интересного и поучительного.

Наташа и дети вас помнят (Миша спрашивает — нет ли в Риме чего-нибудь, связанного с индейцами — это его нынешняя страсть).

Шлю вам любовь и Божие благословение.

Ваш прот. А. Мень

25 мая 1972 г.

...Один день из жизни сельского священника

[Из письма]

...Встал он, болезный, рано утром, в пять, когда еще полумрак среди деревьев, и зашагал по тропке к поезду. А в блаженно пустой электричке дочитывал правило, молился по четкам и изучал кое-что, касающееся «дней древних». А потом дорога к храму, и солнце, восходящее над полями и лесом. А потом полумрак и тишина и исповедь полтора часа: печали, грехи, сомнения, трудности житейские и внутренние. Все может отнять лишь божественный огонь литургии, который расплавляет земную кору. Два-три слова в конце о празднуемой святой (Марии Магдалине), затем требы: панихида, молебны, крестины. Не успел покрестить, как везут покойника. Вокруг гроба вся семья: похожие и разные. Унесли гроб, робко приходит пожилая чета: хотят повенчаться на склоне дней. «Очень хорошо!» — отвечает им и, пропуская неуместные слова (о чадах и прочем), совершает таинство, напоминая им о том, что теперь на них благословение Божие, хотя они и всегда были мужем и женой. Потом чужие заботы, проблемы и пр. А время идет, и уже вторая половина дня.

¹ Александра Орлова-Модель (Шурочка, как всегда называл ее о. Александр) — внучка священномученика Иоанна Орлова, знала о. Александра со своего детства и с начала его священнического служения, т. е. с 1960 по 1990 г.

Из этих тридцати лет — двенадцать лет личного общения и восемнадцать лет переписки после того, как ее семья эмигрировала в 1972 г. в Западную Европу.

Храм Сретения в Новой Деревне. 1973 г.

Дома в Семхозе

Дорогу обратно по традиции нужно использовать для закупки корма. И блаженное возвращение в сад. Пока еще не холодно, садится бедный кюре за стол и вновь погружается в «дни древние», во времена Хасмонеев и Иродов. А потом — проверять английский у сына, пилить дрова, поглядывая за забор, вдаль, где виднеются золотые купола Лавры. Преподобный всегда с нами. Потом все за стол, а перед сном, если есть что хорошее, смотрят все телевизор или читают. Правда, далеко не всегда бывают дни такие безмятежные. Бывают и черные, бывает и трудно. Но мы же должны благодарить за каждый день, отпущенный нам. Вот я и благодарю, описывая его Вам, благо Вы любите лирику...

Июнь 1973 г.

[Из письма Ю. Н. Рейтлингер]

Начну с того, что сам всегда остро чувствовал духовную связь со святыми и постоянно к ним обращаюсь. Верно, что в их культе нередко проскальзывали элементы язычества, верно, что многие святые — лица легендарные (и даже трансформированные боги), верно и то, что почитание их иногда вредно отражается на благочестии, подменяя обращенность ко Христу, единственному нашему Спасителю. Однако все это уклоны и искажения.

В основе почитания святых лежит наше общее чувство единства Церкви, в ее земных и небесных аспектах. Мы молимся друг за друга, мы знаем силу молитвы у многих людей, искренне любящих Господа. Мы просим у них молиться за нас. Это относится не только к живым, но и к ушедшим. Я не раз ощущал молитву их за меня и мысленно просил их об этом. Но если это естественно по отношению к близким умершим, то почему мы должны забывать великих подвижников, апостолов, мучеников, святителей? Мы читаем об их жизни, читаем написанное ими. Их образы для нас живы. И они действительно живы у Господа, Который не есть Бог мертвых. Когда дух слабеет, когда молитва становится немощной и слабой — как хорошо обратиться не только к Богу, от Которого сознаешь себя таким далеким, но к людям великой веры и силы! Мы можем вступать с ними в живую связь, просить у них молитв и помощи. Ведь они такие же существа, как и мы, и поэтому порой бывает легче найти их в своей молитве. И они реально помогают, реально участвуют в нашей жизни, если мы обращаемся к ним. Лет 25 назад я первый раз побывал в Киево-Печерской лавре, и меня поразила надпись у входа

в пещеры. Там говорилось о молитвенниках подвижниках. «Не забывай их, — писал неведомый автор надписи, — и они тебя не забудут». Это многому меня научило. И в один из труднейших, катастрофических моментов моей жизни 17 лет назад я это пережил с необычайной силой. И их иконы для меня действительно некий знак присутствия святых. Как это происходит, я не берусь, да и не хочу объяснять. Сам по себе внутренний факт важнее всех объяснений. Конечно, когда вместо иконы Христа у нас висит только икона нашего святого — это неправильно. Это уже начало уклona. Святой должен занять место «подле», как на иконостасах, где они все стоят в позе молящихся. Иными словами, мы не им молимся, а молимся вместе с ними и просим их помощи в своем духовном и жизненном пути.

2 сентября 1974 г.

[Из писем Александре Орловой-Модель]

Дорогая Шурочка!

...Не следует полагаться ни на кого. Церковь — это мы. Мы сами. И не ждать чего-то от нее следует, а действовать самому. Ты не думай, будто я не доверяю твоим сведениям. У меня их достаточно. И кризис, вызванный Собором, я сравнительно ясно представляю. Такие ломки не проходят мирно. Но не твоя это забота. Что тебе до «политики Ватикана». Это дело человеческое. Не в этих сферах совершается подлинное в Церкви. Перемены в обрядах — всегда эксперимент, и эксперимент болезненный. Новое поколение все это переварит. Схлынет со временем и волна «левизны». Все это моды, которых в истории было очень много. У нас церковные преобразования вызывали тоже кризисы (начиная с раскола старообрядчества до обновленцев)... Единственное, что мне решительно не нравится, — это отмена постов, о которой я давно знал. Может быть, это и соответствует западному образу жизни, но я этого никак одобрить не могу и тебе советую: живи по нашему православному уставу. Причащение не натошак — обычай ранней Церкви. В I и II веках причащались сразу после трапезы. Но мне кажется, что обычай воздерживаться от пищи до св. трапезы — достоин того, чтобы его сохранить. Впрочем, опять-таки, это их дело. А мы должны держаться своего. Ты знаешь — я экуменист, но это вовсе не означает, что я считаю западные обычаи во всем лучше наших. Кое-чему они могут

Диакон Александр Борисов, Виктор Андреев, Таисия Никиенко, Лев Турчинский, Наталия и о. Александр, Евгений Барабанов и Нонна Борисова в Семхозе. 1973 г.

и у нас поучиться. Пост, кстати — древнейшее установление. Он есть во всех религиях (включая индуизм и ислам) и освящен примером Христа. Можно его сократить, смягчить. Но отменять? Это, я уверен, ошибка, которую исправят. Во всяком случае, я думаю, что католикам не запрещено соблюдать его.

...Только отдавая, ты будешь чувствовать удовлетворение. Есть такие слова Спасителя (их нет в Евангелии, а сохранились в Предании): «Блаженнее давать, нежели брать». И эти твои больные старики, которых ты видела, они — нужны сейчас для того, чтобы люди учились в отношении к ним проявлять терпение, доброту и снисходительность. Хорошо ухаживать за нужным, молодым человеком. А за такими —

Александра Орлова-Модель

каково! Я насмотрелся на это в больницах, особенно в психиатрических. Какие там сестры. Я просто благоговею перед ними. Да, у больных и стариков есть своя миссия в мире!

...Я убежден, что твои чувства и сны тебя не обманывают, что умершие наши, несмотря ни на что, сохраняют с нами связь, и мы можем чем-то друг другу помогать (духовно, конечно). И что характерно: в начале ей [душе] хорошо (как по Моуди), а потом приходит раскаяние, словно нас на первых порах щадят, чтобы мы привыкли к иной форме бытия. Едва ли прав тот священник, который думает, что сразу после смерти человек созерцает Бога. Наверно, нужен еще долгий посмертный путь души. Об этом свидетельствует опыт многих религий и мистиков. Да и логика тоже подсказывает. Думается, что с человека должно сойти, как грязь, все темное. Ну, а если он весь из грязи, то остается только «корешок», который едва ли можно назвать личностью. Наверно, и памяти в нем нет (она же вся зараженная).

197... г.

Интервью на случай ареста

Это интервью, взятое у меня корреспондентом Н., я разрешаю распространять, публиковать и перепечатывать, только если будут получены достоверные сведения о моем аресте. Это требование категорическое и безусловное. Текст прошу хранить так, чтобы он не был доступен никому, кроме владельца.

Прот. Александр Мень

Отец Александр, мне говорили, что ваши работы публиковали только за рубежом. Верно ли это?

Нет. С 1959 года главы из моих двух книг в виде отдельных статей печатались в нашем церковном органе, «Журнале Московской Патриархии». Кроме того, там были опубликованы мои очерки об апостолах и некоторых из отцов Церкви. Первые мои статьи за рубежом были помещены в «Stimme der Orthodoxie» и болгарском «Церковном вестнике». Всего за период с 1959 по 1966 год вышло около 30 моих статей.

А книги?

Поскольку у нас почти не издают книг богословского содержания, мои книги долгое время существовали в рукописном виде. Своего имени на них я не ставил. Поэтому, когда они выходили за границей, издатели снабжали их псевдонимами.

А почему вы предпочитали не ставить своего имени?

Когда книга ходит по рукам, всегда есть вероятность, что ее опубликуют за границей, а появление книг с моим именем вызвало бы нежелательную реакцию и могло быть неправильно истолковано. Для меня важнее, чтобы люди могли читать мои книги, а сенсаций и лишних проблем я не ищу.

Какие книги были вами написаны за последнее время?

Первой книгой, которая получила широкое хождение, был очерк евангельской истории, предназначенный для читателя, не знакомого с Писанием. Эта книга, «Сын Человеческий», была напечатана в Брюсселе в 1968 году издательством «Жизнь с Богом» под псевдонимом А. Боголюбов. Другая книга, посвященная православному богослужению, тоже была рассчитана на начинающего читателя. Она вышла без

имени автора в том же издательстве под названием «Небо на земле» (Брюссель, 1969). С 1960 года я работаю над шеститомной историей религии. Ее цель — дать картину духовного развития дохристианского человечества. Сейчас, когда многие люди захвачены духовными поисками, мне казалось важным показать, как человек прошлого искал Бога. Книга эта называется «В поисках Пути, Истины и Жизни». Первый том, «Истоки религии» (Брюссель, 1970; под псевдонимом Э. Светлов), посвящен вопросу о сущности и происхождении религии. Второй, «Магизм и единобожие» (Брюссель, 1971), излагает историю религии в древнейших цивилизациях. Третий, «У врат молчания», рассматривает китайскую и индийскую религии и философию. Четвертый, «Дионис. Логос. Судьба», посвящен греческой религии и философии. Пятый, «Вестники Царства Божия», повествует о библейских пророках. Сейчас я работаю над шестым томом — «На пороге Нового Завета». Он обнимет последние три века до нашей эры. Той же теме,

Кабинет в доме при Сретенском храме Новой Деревни. 1974 г.

что и шеститомник, посвящена моя кандидатская работа «Элементы монотеизма в дохристианской религии и философии» (1967). Книга «Небо на земле» является первой частью трилогии «Жизнь в Церкви».

Вторая ее часть — «Как читать Библию», а третья — «Практическое руководство к молитве». Кроме этого, я составляю объяснение к Символу веры в виде опыта катехизиса в картинках. Первая часть — «Откуда явилось все это?» (Неаполь, ed. Dehoniane, 1972), вторая — «Свет миру», а третья, еще не законченная, — «Соль земли».

А помимо тех книг, над которыми вы сейчас работаете, у вас есть планы на будущее?

В наше время трудно что-либо планировать, но, если будут даны возможность и силы, я хотел бы написать книгу о проблеме зла. Материал к ней уже собран, и называться книга должна «Хаос и Логос». Еще мне хотелось бы написать книгу о Евангелии и мифе, в основу которой ляжет мой очерк «Миф или действительность?», приложенный к «Сыну Человеческому». О других планах я не буду говорить, ибо не знаю, смогу ли осуществить даже перечисленные замыслы.

Скажите, отец Александр, что является для вас главным: служение священника или литературная работа?

Я это не могу разделить. Все, о чем мне приходится писать, тесно связано с моей деятельностью как священника. В частности, в своих книгах я стараюсь помочь начинающим христианам, пытаюсь раскрыть на современном языке основные аспекты евангельского жизнепонимания и учения. Наша дореволюционная литература, к сожалению, не всегда понятна нынешним читателям, а иностранные книги обращены к людям с психологией и опытом иными, нежели наши. Поэтому постоянно существует нужда в новых отечественных книгах. Особенно для тех, кто недавно вступил на путь веры.

А сами вы всегда были верующим или пережили обращение позднее?

Каждый человек должен пережить нечто подобное «обращению». Даже если он с детства был воспитан в вере.

Ваши родители были верующими?

Отец мой всю жизнь чуждался всякой религии. Он был инженером, всецело погруженным в свою работу, и духовные проблемы волновали

его мало. Но мать моя и ее сестра крестились в сознательном возрасте и меня воспитали в православии. Кроме них в своем религиозном становлении я многим обязан духовным детям отцов Мечевых, а также одной монахине из Загорска и своему духовнику о. Николаю Голубцову. Эти люди научили меня, как должен вестись диалог Церкви с миром.

А где прошла большая часть вашей жизни?

Я родился в Москве в 1935 году и там закончил школу. С 1953 по 1955 год я жил и учился близ Москвы, затем — три года в Сибири. С 1964 года я с женой, дочерью и сыном живу под Загорском. С этим городом преподобного Сергия у меня было много связано, начиная с того дня, когда меня там крестили ребенком.

Вы там получили богословское образование?

Да. Я окончил Московскую духовную академию в Загорске, но семинарию — в Ленинграде. Учился я заочно, уже служа на приходе. А до этого, с 1953 по 1958 год, я изучал биологию в Московском пушном институте и Иркутском сельскохозяйственном.

Вы хотели стать биологом?

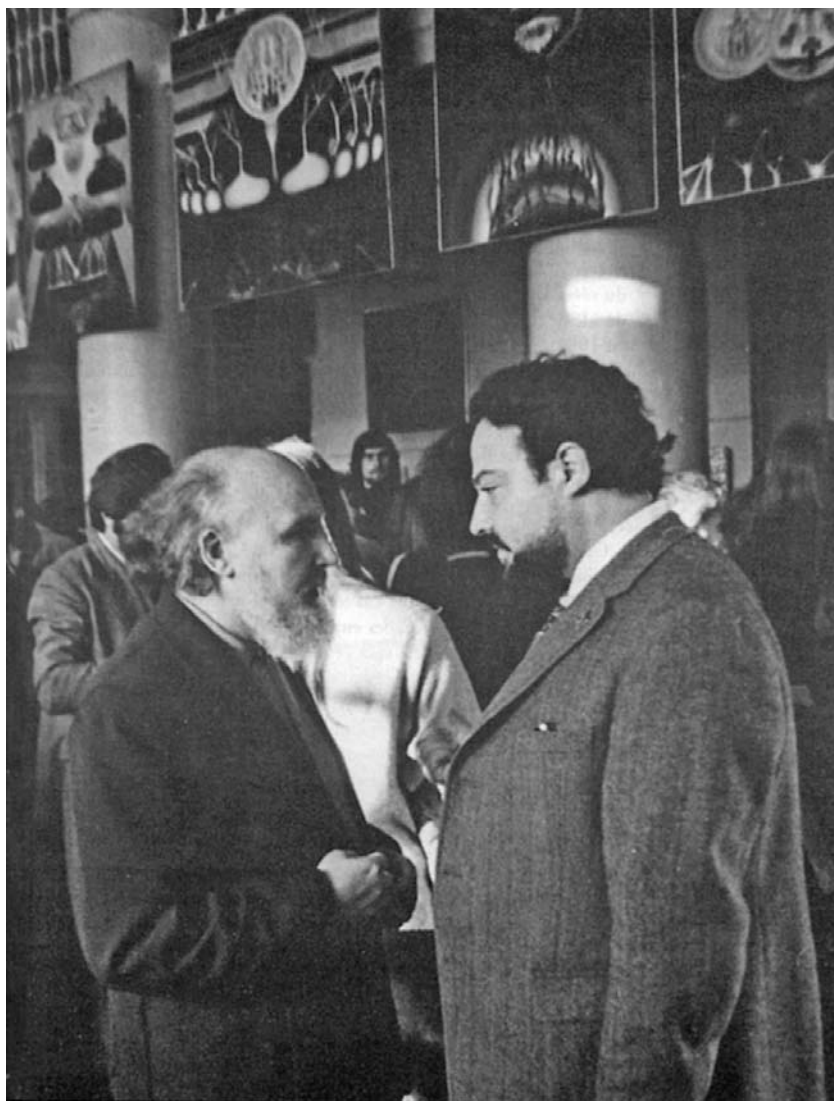
Я очень люблю эту область науки и решил прежде поступления в семинарию поработать некоторое время в ней. Священник всегда только выигрывает, если проходит путь «светской» жизни до посвящения. Но Бог судил иначе. Из-за моих убеждений меня не допустили до государственных экзаменов. А через месяц я уже был рукоположен (1 июня 1958 года).

Как же вас посвятили без духовного образования?

Я со школьных лет изучал богословие, пел, читал и прислуживал в храме. Так что ко времени рукоположения я уже получил необходимую начальную подготовку. Митр. Николай счел возможным принять меня без экзаменов. Рукоположен дьяконом я был архиепископом Макарием, а в 1960 году иереем — епископом Стефаном.

Давно ли вы стали писать?

Очень давно, почти с первых школьных лет. Первые большие книги, посвященные церковной и библейской истории, я написал, будучи студентом. Теперь я смотрю на них лишь как на «трамплин» для дальнейшей

С о. Дмитрием Дудко на выставке живописи в павильоне «Дом культуры» на ВДНХ.
Сентябрь 1975 г.

работы. «Сына Человеческого» я написал в 1958 году, а через год была, как я уже говорил, опубликована моя первая статья. С тех пор я пишу постоянно, используя те урывки времени, которые остаются после приходской работы.

Кто из богословов и писателей оказал на вас наибольшее влияние?

На первом месте я должен назвать Вл. Соловьева. Хотя многие его воззрения я не разделял, но он был моим настоящим учителем. А уже после него я изучал труды представителей русской религиозной философии. Бердяеву, Флоренскому, Булгакову, Франку, Лосскому и другим я очень многим обязан. Из западных авторов в начале моих занятий наибольшее влияние на меня оказали европейские философы докантовского периода, а также Бергсон и Кр. Дausон. Впоследствии, познакомившись с трудами Тейяра де Шардена, я обнаружил в его идеях много для меня близкого. Среди отцов Церкви излюбленными остаются апологеты, Климент Александрийский и Григорий Богослов.

Много ли храмов вам пришлось сменить? Мы слышали, что вас подвергали преследованиям. Верно ли это?

Я служил всего в четырех храмах. (В одном — дьяконом, в трех — священником.) По нынешним временам это не много. Служил я всегда под Москвой. Некоторые неприятности у меня действительно бывали. В частности, нападки в прессе, обыски и слежка. Но прямым преследованиям я до сих пор не подвергался.

А почему? Ведь говорят, что всем активным священникам у вас приходится нелегко.

Я не могу вам ничего определенного ответить. Ведь это не от меня зависело. Но, может быть, здесь сыграло роль то, что я приобрел некоторую известность в заграничных церковных кругах. Кроме того, я старался не выходить в своей деятельности за чисто церковные рамки.

Вы что же, противник демократического движения?

Этот термин слишком туманный. Вообще я, разумеется, уважаю всякую честность и смелость. Но считаю, что мне лично хватает моего непосредственного дела. Кроме того, я убежден, что свобода должна вырастать из духовной глубины человека. Никакие внешние перемены

не дадут ничего радикально нового, если люди не переживут свободу и уважение к чужим мнениям в собственном опыте.

К сожалению, многие из тех, кто называл себя «демократами», по психологии своей были, скорее, диктаторами.

Верите ли вы в будущность православия в России?

Безусловно. Но мне кажется, что мы не должны «плыть по течению», а честно и вдумчиво решать все проблемы, которые ставит перед нами время. Конечно, условия сейчас сложные, но тем не менее трудно отказаться от мысли, что кое-что в нашей церковной практике, канонах и богословии должно быть пересмотрено и углублено. Это не мое только мнение: его разделяют немало епископов, священников и мирян в нашей Церкви.

А как вы расцениваете работы о. С. Желудкова?

Я высоко ценю его стиль, и мне близко его желание критически переосмыслить наше наследие. Но его крайних взглядов я никогда не разделял, как и взглядов церковных консерваторов. Мне думается, что верный путь лежит, как всегда, где-то посередине.

А как вы относитесь к Солженицыну?

Я не политик. Но хочу надеяться, что, когда утихнут страсти, связанные со «злобой дня», его огромная роль будет оценена даже его противниками. Что касается религиозных мотивов в его творчестве, то для меня это — знамение времени. Думаю, это далеко не случайно, что выдающиеся русские писатели нашего столетия, такие, как Солженицын, Пастернак, Булгаков, Максимов и др., обращаются к христианству, к его учению и этике.

Каково должно быть, по вашему мнению, отношение христианства к современности?

Я не сочувствую попыткам создать «секулярное христианство», которые кое-где предпринимаются на Западе. Путь компромисса, связанный с именем еп. Робинсона и других «модернистов», ничего «модерного» не содержит. Все это очень наивно, поверхностно. Просто люди заморожены и оглушены «духом века сего». Это далеко не ново и пройдет, как всякая мода. С другой стороны, я не могу смотреть на Церковь как на реликт прошлого. Христианин в современном мире — в этих словах

Венчание Александра и Наталии Андриюшиных

заклучена целая программа. Мы должны быть людьми современными, в хорошем смысле слова, и не страдать ностальгией по прошлому, но при этом оставаться настоящими христианами по духу, взглядам и жизни. Это трудно. Но это — почетная задача, возложенная Богом на нынешние поколения.

Не думаете ли вы, что техническая цивилизация угрожает христианству?

Она угрожает не христианству, а людям вообще. Евангелие же, как и во все века, остается вечным призывом Христа к нам. Церковь основана не людьми. Тот, Кто ее основал, предсказывал наступление трудных дней борьбы. Но Он — Победитель «мира сего», и в этом для нас залог надежды. Камень, на котором стоит Церковь, не может быть сдвинут. То, что Христос поставил перед миром как задачу, не в состоянии осуществить какая-либо одна или несколько цивилизаций. Они проходят чередой, лишь частично реализуя евангельский идеал. Поэтому я думаю, что

история Церкви только начинается. Мы еще дети, несмотря на века, прошедшие со дня Пятидесятницы. Впрочем, что такое для Бога и истории эти 2000 лет?

Я слышал, что вы по происхождению еврей. Не считаете ли вы, что, являясь христианином, вы порвали со своим народом?

Ни в какой мере. Свою принадлежность к народу Божию я воспринимаю как незаслуженный дар, как знак дополнительной ответственности перед Богом. Он призвал Израиль на служение Себе, и его история — Священная история. Она продолжается и поныне. Если большинство моих единоплеменников не приняли христианства, то это лишь очередная глава в драме, совершающейся между Богом и миром. Она началась еще в библейские времена. Совершается она и среди других народов. Ведь многие из них частично отошли от христианства. Я счастлив, что могу своими слабыми силами служить Богу Израилеву и Его Церкви. Для меня Ветхий и Новый Завет неразделимы. Впрочем, это бесспорный тезис в христианском богословии.

Как христианину и просто по натуре мне глубоко чужд любой шовинизм. Я ценю и люблю культуру, в которой вырос и которая так много мне дала, но ни на минуту не забываю о той ответственности и призвании, которые возлагает на меня принадлежность к Израилю.

А как вы в качестве православного относитесь к другим исповеданиям?

Отношение мое сложилось не сразу. Но путем долгих размышлений, контактов и исследований я пришел к убеждению, что Церковь по существу едина и разделили христиан главным образом их ограниченность, узость, грехи. Этот печальный факт стал одной из главных причин кризисов в христианстве. Только на пути братского единения и уважения к многообразным формам церковной жизни можем мы надеяться вновь обрести силу, мир и благословение Божие.

1975 г.

* * *

Как вы относитесь к научной фантастике?

Вообще я все годы очень ее любил, с юных лет. Это такой очень философский вид литературы, дающий простор для размышления, для всего. И в период, когда трудно было что-нибудь найти хорошее, книги

Брэдбери были для нас своего рода отдушиной, а для некоторых даже откровением. Скажем, книги Стругацких, такие как «Улитка на склоне», «Обитаемый остров», были очень смелые, прекрасные, глубокие книги. Но сейчас, по-моему, фантастика переживает кризис.

[Из письма Михаилу Гальперину]

...Что касается театра, то я в вашем возрасте [около двадцати] тоже мало ходил. А куда ходить?

И читал я тогда тоже в основном книги научные и мировоззренческие. Когда разобрался во всем, стал читать беллетристику для развлечения. И сейчас читаю. Я в ней не ищу «проблем», а отдыхаю...

Октябрь 1976 г.

[Из писем Александре Орловой-Модель]

Дорогая Шурочка!

...мама — в плохом состоянии. Болезнь ее заедает. Вообще в этом смысле — год тяжелый: все недуги и смерти.

Сейчас только что вернулся со службы. В саду уже все распустилось. Ждем цветов на яблонях. Копаем землю. Мишка играет в ансамбле. Очень увлечен. Завтра — день победы, кругом концерты. Их [ансамбль] — тоже выступает.

8 мая 1978 г.

...Что написать тебе о нашей жизни? Михаил будет пытаться поступать. Наташа работает теперь инженером в институте. Возвращается на три часа позднее, но пока довольна. Семья Лены живет сейчас с нами. К сожалению, все время идут дожди, и наша чудесная внучка гуляет меньше, чем хотелось бы. Я ее как-нибудь сниму и пришлю. Очень забавная.

* * *

...У нас сейчас золотая осень, которая все время перемежается с дождем и снегом. Сегодня Сергиев день, и мы с Михаилом были в Лавре. Служил митроп. Филарет, было очень много народа (в академической церкви). Всех вспоминал и вас особенно. Отпуск мой кончается на днях. Я один (Наташин отпуск прошел уже) ездил в Грузию, Азербайджан, Армению,

на Украину. Немного освежился, повидал много новых мест и новых людей. По расстояниям это, наверно, больше твоих путешествий (однажды за день на машине дал 600 км среди гор, очень красиво). Михаил учится в институте, живет в Москве. Как я уже тебе писал, мы с Наташей теперь чаще бываем вдвоем...

8 ноября 1978 г.

[Из писем Ю. Н. Рейтлингер]

Дорогая Юлия Николаевна!

Как Вам уже написала, наверное, Е. Я., 15-го на преп. Серафима, умерла мама. Мы давно этого ожидали, но все равно трудно примириться. Впрочем, со смертью примиряться нам и не надо. Она есть вызов и Богу, и человеку. «Плачу и рыдаю...» Накануне она еще ходила, была светла после причастия, а на другой день ей стало хуже. Я читал над ней отходную (по католическому молитвеннику, который оказался под рукой) и не выпускал ее головы до последнего вздоха. Ее жизнь была цельной на редкость, вся отданная Христу. Трудно даже оценить, сколь многим я ей обязан. У нас была общая жизнь, общий дух.

Янв. — фев. 1979 г.

...Спасибо, что Вы присоединились к нашим молитвам об ушедшей маме, хотя у меня такое ощущение, что она теперь должна молиться за нас.

* * *

...Получил выписку из о. С[ергия Булгакова]¹. Постепенно все больше собирается. Многих удивляет мое стремление сохранить и умножить наследие, полученное нами от «отцов» того периода. Но я, вопреки мнению многих, «традиционалист», верю в значение живой связи, преемственности, опыта предшествующих поколений. Без этого мы обречены изобретать велосипеды. Обидно было бы думать, что «то» поколение не оставило нам ничего нужного. Думаю, напротив, оно дало нам слишком много. Я всю свою юность питался из этого источника.

Сентябрь 1979 г.

¹ Ю. Н. Рейтлингер пересылала о. Александру переписанные ею письма к ней о. С. Булгакова. См. кн. «Умное небо». М., 2002.

Елена Семеновна Мень. 1977 г. (?)

[Из писем Александре Орловой-Модель]

...Как быстро летит время. Но это совсем не печально. С годами уходят мелочи, иллюзии, неведение, суета. Мы ведь идем не вниз, а вверх. Шире взгляд, глубже понимание, больше опыта. Лучше отличаем главное от пустяков. Знаем подлинную цену настоящему в жизни. Я вот пока не хотел бы возвращать прошлое. За все будем благодарны. Жизнь так интересна, это подарок. И, как говорил Толстой, «незаслуженный дар».

* * *

...Достоинство жизни, ее соответствие с высшим замыслом определяется тем, в какую сторону она идет: теряем ли мы или приобретаем? Внешний человек идет по жизни, все растрачивая (силы, годы, зубы, здоровье). Человек, живущий внутренним, может постоянно обогащаться (опытом, мудростью, духом). То есть есть два пути — вверх и вниз. Время от времени нужно себя об этом спрашивать. Приобретение есть накопление любви и мудрости, которые осуществляются через отдачу. Самое опасное в западной психологии и образе жизни — господство потребления. Оно опустошает. Подлинная глубина и радость в отдаче.

1979 г.

[Ответ на просьбу З. А. Маслениковой написать о своем пути к Богу, о своем духовном опыте]

Ответить на Ваш вопрос и рассказать о том, что называется духовным опытом и путем, мне нелегко, и не потому, что Вы застали меня врасплох, а по той причине, что я всегда избегал говорить о подобных вещах в личном плане. Что-то останавливало. Назовите это замкнутостью, скрытностью или как угодно, но эта черта — свойственная мне во все времена жизни. Кроме того, я обычно остерегаюсь «раскрываться» по трем соображениям. Во-первых, есть нечто, так сказать, духовно-интимное во встрече души с Богом, что не терпит чужого глаза; во-вторых, при злоупотреблении священными словами что-то стирается и теряется (намек всегда сильнее); в-третьих, даже большим мастерам слова редко удается найти соответствующие выражения для невыразимого. Один писатель метко заметил, что куда легче поведать об аде, чем о рае...

Но все же, уступая Вашей просьбе и аргументам, попробую коснуться некоторых аспектов.

Начну с того, что я плохо понимаю резкое деление на «светское» и «религиозное». Для меня это термины в высшей степени условные. Хотя в детстве мне объясняли, что есть «особенные» предметы и темы, но это скорее вытекало из условий жизни среди чуждых по духу людей. Постепенно это деление почти потеряло смысл, поскольку все стало на свой лад «особенным». Любая сторона жизни, любая проблема и переживания оказались непосредственно связанными с Высшим.

Жить так, чтобы «религия» оставалась каким-то изолированным сектором, стало невыносимым. Поэтому я часто говорю, что для меня нет, например, «светской литературы». Всякая хорошая литература — художественная, философская, научная — описывающая природу, общество, познание и человеческие страсти, повествует нам об одном, о «едином на потребу». И вообще нет жизни «самой по себе», которая могла бы быть независимой от веры. С юных лет все для меня вращалось вокруг главного Центра. Отсекать что-либо (кроме греха) кажется

У Сретенского храма. Слева направо: Зоя Афанасьевна Масленникова, Леонид Семенович Цуперфейн, о. Александр, Владимир и Тамара Никифоровы, Леонид Василенко

мне неблагодарностью к Богу, неоправданным ущерблением, обеднением христианства, которое призвано пронизывать жизнь и даровать «жизнь с избытком».

Мне всегда хотелось быть христианином не «при свечах», а при ярком солнечном свете. Меня не привлекала духовность, питающаяся ночным сознанием, имеющая оккультный привкус (хотя и под православной оболочкой). Я всегда ощущал, что «вне» Бога — смерть, рядом с Ним и перед Ним — жизнь. Он говорил со мной всегда и всюду. Собственно, это редко выражалось в каких-то «знамениях», да я и не искал их. Все было знамением: события, встречи, книги, люди. Именно поэтому я мог и любил молиться, где угодно, чувствуя присутствие Божие в самой, казалось бы, неподходящей обстановке. Помню, однажды такое чувство особенно сильно вспыхнуло во мне, когда сидел в саду напротив Большого театра (и таких случаев было много).

Но если уж говорить о каких-то моментах особого подъема, то они связаны с Евхаристией, природой и творчеством. Впрочем, для меня эти три элемента нераздельны. Литургию всегда переживаю космически и как высшее осуществление даров, данных человеку (то есть творчества и благодати).

О природе я упомянул не случайно. Созерцание ее с детства стало моей «теология прима». В лес или палеонтологический музей я входил, словно в храм. И до сих пор ветка с листьями или летящая птица значат для меня больше сотни икон.

Тем не менее мне никогда не был свойственен пантеизм как тип религиозной психологии. Бог явственно воспринимался лично, как Тот, Кто обращен ко мне. Во многом это связано с тем, что первые сознательные уроки веры (в пять лет) я получил, знакомясь с Евангелием. С тех пор я обрел во Христе Бога, ведущего с нами непрерывный диалог.

Хотя я дорожил ровным светом и боялся всякой экзальтации и аффектации, в какой-то момент пришло и то, что можно назвать «обращением». Это было где-то на рубеже детства и юности, когда я очень остро пережил бессмысленность и разрушимость мира. Тогда я исписывал тетрадки мрачайшими стихами, которые диктовались не пессимизмом характера, а открытием «правды жизни», какой она предстает, если выносят высший Смысл «за скобки». И тогда явился Христос. Явился внутренне, но с той силой, какую не назовешь иначе, чем силой спасения.

Тогда же (это было больше тридцати лет назад) я услышал зов, призывающий на служение, и дал обет верности этому призыванию. С тех пор оно определяло все мои интересы, контакты и занятия. Вместе с этим пришло решение стать священником. Это самое большее, что я могу рассказать...

Неисчислимое количество раз я узнавал Руку, ведущую меня. Ее действие проявлялось даже в мелочах. Это напоминало камни мозаики, лежащие на заранее приготовленный рисунок. А над всем — если выражаться выпрненным языком — светила звезда призвания.

«Храмовое благочестие» вошло в меня органически, лет с 12-ти, но оно никогда не казалось мне всеобъемлющей формой христианства (хотя одно время я бывал в церкви ежедневно, а с 15 лет стал прислуживать в алтаре). Я воспринимал его как часть (притом вспомогательную) того огромного мира, который включает в себя вера.

Как-то в школьные годы одна знакомая, зайдя к нам и увидя меня сидящим за книгой по антропологии, заметила: «Ты все этим занят»; она имела в виду религиозные, богословские темы. Хотя книга была «светской», но эта женщина хорошо меня знала и понимала, «откуда дует ветер»...

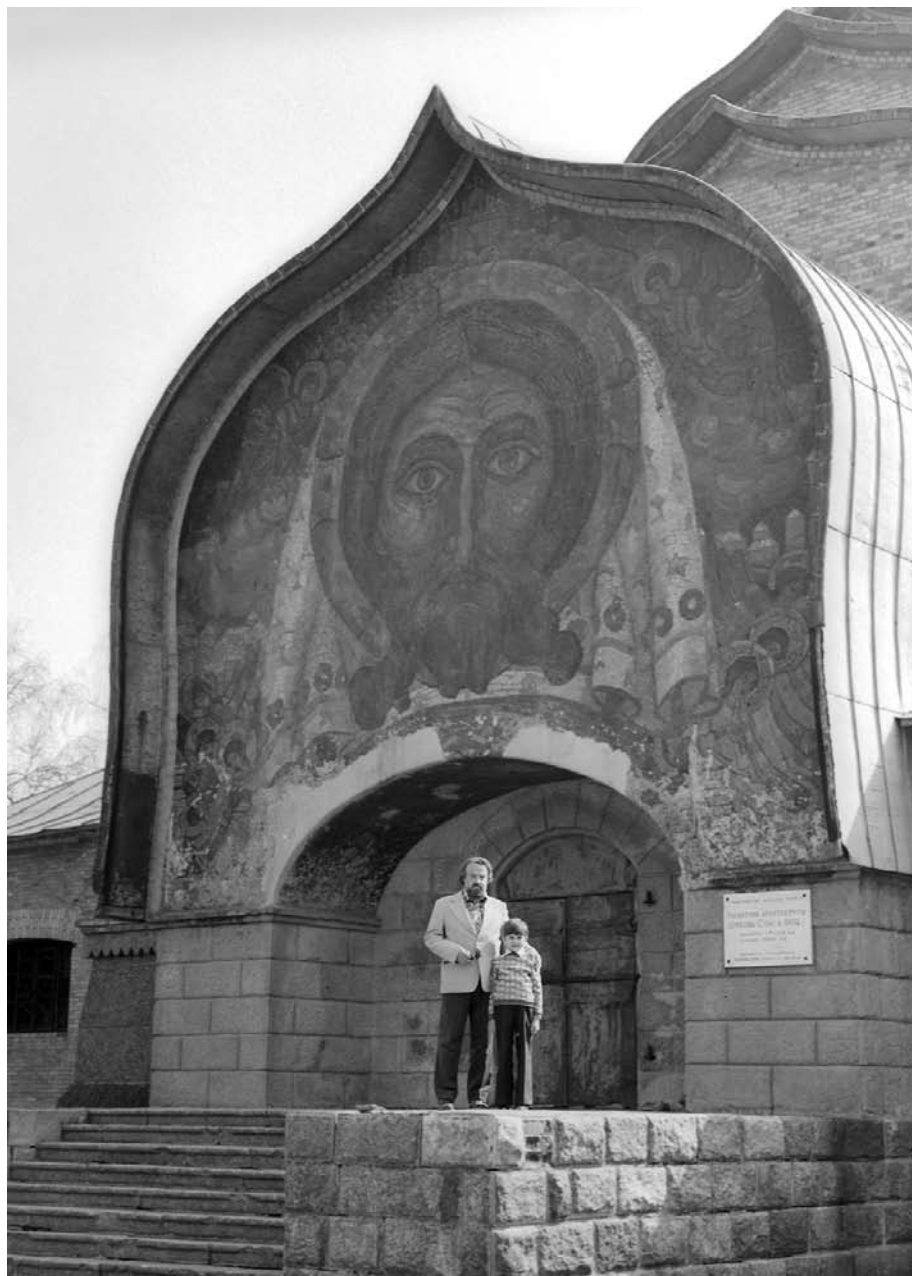
Занятия естествознанием (начавшиеся очень рано) воспринимались мной как приобщение к тайнам Божиим, к реальности Его замыслов. Изучая препараты или наблюдая в микроскоп жизнь инфузорий, я как бы присутствовал при некоей мистерии. Это осталось навсегда.

То же было и с историей, интерес к которой пробудило чтение Священного Писания. Мне была дорога каждая черта, которая могла пролить свет на библейские события. Отсюда любовь к Древнему Востоку и Риму, служившим фоном Священной истории.

Не меньше волновала меня и история Церкви, в которой я искал реальных путей и способов осуществления евангельского идеала. Прочтя в детстве «Жития», я понял, что в них много декоративного, легендарного, не связанного с действительностью. Это привело к поиску подлинных источников, который стимулировался чтением неоконченной рукописи о. С. Мансурова¹ (я познакомился с ней году в 50-м, теперь она опубликована в «Богословских трудах»).

¹ Свящ. Сергей Мансуров (1890–1929), окончил философское отделение историко-филологического факультета МГУ. В 1926 г. рукоположен в священники. Автор ряда истори-

ческих и философских сочинений, в том числе «Иоанн Грозный как деятель западного типа», «Очерки из истории Церкви».

У храма во Фленове. 1980 г.

Еще раз повторю: все вращалось вокруг одного стержня. Я не желал оглядываться назад, поскольку рука уже лежала на плуге. Бог помогал мне явным и неприметным образом. В багаж для будущей работы шло все: занятия искусством, наукой, литературой, общественные дела. Даже трудности и испытания оказывались промыслительными.

Хотя со стороны могло показаться, что молодой человек просто имеет большой диапазон интересов, но на деле они были подчинены единой цели. Некоторые юноши в этом возрасте, живя церковной жизнью, нередко склонны отрясать прах всего «светского». Быть может, и я переболел такой болезнью, но не помню этого. Помню лишь проникнутость идеей «освящения» мира. «Опощенчество» церковного нигилизма казалось никак не соответствующим широте и свободе Евангелия.

Многие наставники моей юности были связаны с Оптиной пустыней и с «маросейским» приходом отцов Мечевых. В этой традиции больше всего меня привлекала открытость к миру и его проблемам. Настойчивый голос твердил мне, что если люди уходят в себя, не несут свидетельства, глухи к окружающему, — они изменяют христианскому призванию. Я узнал силу молитвы, но узнал также, что сила эта дается для того, чтобы употреблять ее, действуя «в миру».

Принятие сана (в 1958 году) не переживалось мной как переломный момент, а было органическим продолжением пути. Новым стала Литургия...

С теневыми сторонами церковной жизни наших дней я столкнулся рано, но они меня не «соблазняли». Я принимал их как упрек, обращенный ко всем нам. Как побуждение трудиться. Харизмы «обличительства» у меня никогда не было. Однако обывательское, бытовое, обрядовое православие огорчало. Стилизация, елейность, «вещание», полугипнотические приемы иных людей представлялись мне недостойным фарсом или потворством «старушечьей» психологии, желанию укрыться от свободы и ответственности.

Было бы ошибкой думать, что меня миновал соблазн «закрытого», самоуспокоенного христианства, обитающего в «келье под елью», что мои установки целиком продиктованы характером. Напротив, мне не раз приходилось преодолевать себя, повинувшись внутреннему зову.

Мне неоднократно была явлена реальность светлых и темных сил, но при этом я оставался чужд «мистического», или, точнее, оккультного любопытства.

Я слишком хорошо сознаю, что служу только орудием, что все успешное — от Бога. Но, пожалуй, нет для человека большей радости, чем быть инструментом в Его руках, соучастником Его замыслов.

Прот. А. Мень

* * *

В моей жизни все было достаточно обычно. Я был воспитан в семье православной (то есть мать у меня была православной, отец был человек нерелигиозный), и в ранние школьные годы я почувствовал призыв к служению в Церкви. Служить Богу мне хотелось всегда, потому что я чувствовал к Нему благодарность за то, что Он дал мне жизнь и дал столько прекрасного: природу, книги, друзей — все то, что радует человека. И поэтому я хотел быть художником, я занимался этим делом, кстати, потом иконы писал, занимался биологией, историей, и все это считал служением Богу. А служить в Церкви Богу в такой форме я стал благодаря какому-то особому призванию. Это было году в 47-м, я был в храме Иоанна Воина (напротив французского посольства, на Димитрова) и вдруг почувствовал, как голос мне говорит, что, вот, Я жду тебя для этого. Для меня все стало ясно. Поэтому я уже 23 года служу в Церкви. Я еще в школе закончил сам, самообразованием, все эти богословские науки для семинарии, потом кончил биологический институт, просто для удовольствия, чтобы иметь образование в той области, которая меня интересует, потом заочно кончил Духовную академию в Москве. И вот с лета 58-го года я служу под Москвой. Моя жизнь складывается из богослужения, общения с людьми и литературной работы по богословским вопросам. Собственно, вот и все, никаких зигзагов. Конечно, в период застоя у меня были всякие приключения, ну, это ведь они у всех были. А служу я сейчас в церкви в Новой Деревне — это в поселке Пушкино под Москвой, первая большая остановка после Мытищ по Ярославской дороге.

1981г.

* * *

Где вы учились? Протоиерей на церковно-иерархической лестнице — какая это ступень?

Я учился на отделении охотоведения, я занимался крупными копытными: оленями, зубрами и так далее. В частности, в Сибири. Это мое хобби, я зоолог, так сказать, на досуге. Я учился сначала в Пушно-меховом

С Владимиром Файнбергом на берегу Каспийского моря

институте, под Москвой. Во главе его стоял профессор Мантейфель — тот, кто впервые у нас в неволе вырастил и размножил соболя. Но поскольку это были хрущевские годы, то Никита Сергеевич почему-то стремился переводить всех ближе к производству. Это был порочный метод. И, когда я был на 3-м курсе, нас изъяли и как бы по этапу отправили в Иркутск. Но я благодарен Богу за это, потому что я там посмотрелся всего, и это помогло мне сформировать свои многие воззрения. Ну и потом, тайга — это незабываемо.

Протоиерей в церковной иерархической лестнице — это звание, которое носит старший священник. Во времена Николая I по Табели о рангах это соответствовало полковнику. Архиерей (епископ) — соответствовало генералу. Табель о рангах уж вы должны знать.

Мой вопрос не требует конкретного ответа. Я хочу, чтобы вы поделились своими размышлениями о компромиссе.

К счастью, лично я во дни своего детства и юности встречался со столькими бескомпромиссными людьми, что у меня не было такого горь-

кого опыта всеобщего одичания. Я не был никогда ни пионером, ни комсомольцем — никем. Хотя учился в школе и был вполне, так сказать, социально активным человеком... У меня были учителя, наставники, которые «сидели» десятилетиями, выходили, опять попадали в тюрьмы. Я видел людей, которые сохранили в тех нечеловеческих условиях (вам даже трудно их сейчас себе представить) — они сохранили себя. Это было возможно.

[Из писем Александре Орловой-Модель]

Вспоминаю...

...свое первое посещение монахов в нашей Лавре, в дни юности, когда был еще школьником. Помню проходную, через которую посторонним трудно пройти, помню уютные кельи-комнаты вдоль коридора, сверху донизу увешанные иконками и картинками, помню теплую трапезную, где готовили искусные поварахи, и службы — тоже долгие, с блестящими облачениями и митрами, словно елочные игрушки (это было тоже на Рождество). Я тогда уже лелеял мысль служить в церкви, но когда меня монахиня¹ (моя наставница, чудесная женщина) спросила, хочу ли быть монахом, я ответил: ни в коем случае. И вовсе не потому, что я не любил Лавру и ее насельников (которых многих знал), а просто по собственным соображениям. Одно из них: это был мир, вернее мирок, целиком изолированный от жизни, от мирян и «мира», который как бы замкнулся в себе, в своем тепле (хотя, конечно, и там были свои искушения). Мирок этот казался мне, мальчишке, уже тогда — искусственным и далеким от того, что я знал из Евангелия. Но все же и это — православие, один из его ликов, у нас наиболее характерный...

* * *

...Получил твое письмо, уже вернувшись из отпуска, который провел, как обычно, в Крыму. Относительно моего здоровья ты напрасно беспокоишься. Я теперь в полном порядке. Уже в первые дни отпуска последние следы недомоганий улетучились. Помолодел на десять лет, хотя седины прибавилось. Вы вот ездите в отпуск по разным местам, а я так приистрастился к одному и не могу отказаться. Ведь я езжу не «посмотреть», а просто расслабиться у моря и поплавать в свое удовольствие. Для этого Коктебель подходит во всех отношениях.

¹ Схиигуменья Мария.

* * *

...был у моря, любовался золотым светом над волнами. Но, чувствуя Божие присутствие в природе, я одновременно очень остро ощутил, что более всего Он пребывает среди нас, среди людей.

Отвечаю на вопросы...

Вот вы книги писали. Первая вышла лет десять или больше назад? Теперь вы заново берете их иногда, может быть, кое-что читаете из них. Вам не кажется, что следовало бы сегодня кое-что уже и... менять?

Да, я даже несколько книг переписал заново. Вот «Сын Человеческий» написал заново... мне было всего двадцать лет, когда я ее писал, а сейчас уже к пятидесяти...

Я ничего не скрываю. Я сжег десять тысяч машинописных страниц собственных. Десять тысяч. Сжег. У меня есть такое сжигалище — «геенна» домашняя на улице, я там жгу. Вот написал книгу одну — я ее сжег через месяц после того, как уже написал всю. Сел и начал писать заново. Что касается того, что у меня было, то я не удовлетворен очень многим. Очень многим... И именно из-за этого мне пришлось две книги заново переписать от начала до конца, хотя они уже выходили большим тиражом.

Но вы, видимо, представляете: если в ком-то из малых сих вы поколеблете веру, то всей вашей жизни и писанины не хватит, чтоб рассчитаться за эту душу...

У меня столько людей обратилось под влиянием моих книг, что, может быть, на весах Господь учтет. Но я все-таки могу утверждать, что человек, когда молится и надеется, что через него соблазна не будет, большего ничего не может сделать. В конце концов, мы все слабые грешные люди, и мы просим, чтобы Бог действовал через нас и оградил от соблазна.

Если человек читает вашу книгу — лично вы склонны к чему? Чтобы он поверил, как он и верил — по святым отцам, или чтобы склонился на вашу сторону?

Во дворе Сретенского храма Новой Деревни. 1982 г.

Видите ли, я над этим долго думал и понял, что пока мы не примем уже давно принятую в богословии — православном, католическом и протестантском — дополнительную научно-критическую методику, мы не разберемся в очень многих вещах в Св. Писании — оно будет закрыто от нас.

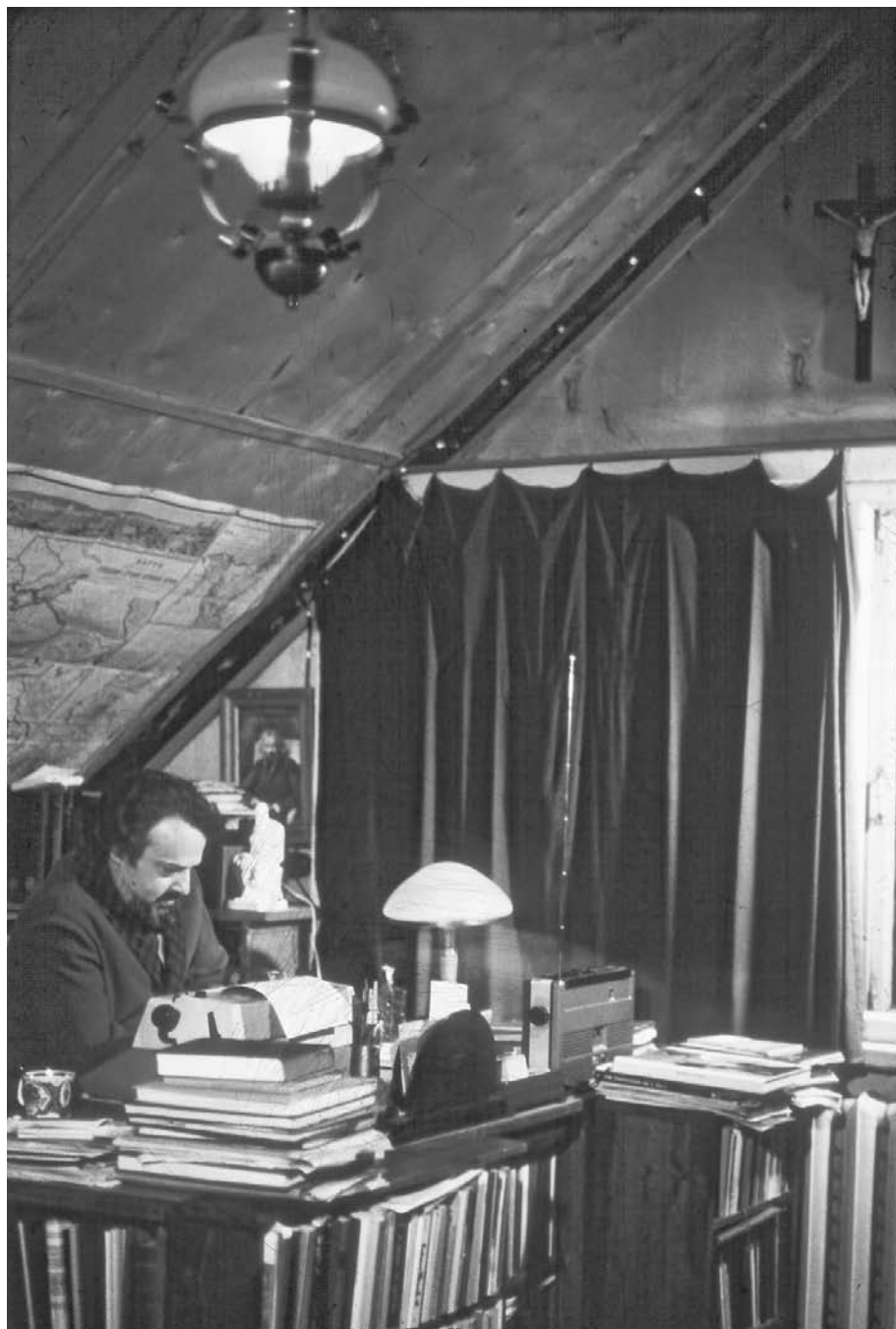
Человек просто верил вот так — простой христианин...

Но для меня же это ложь, понимаете? Для меня лично это — ошибка. Вы говорите — «просто»... Подумайте, человек верил, что Земля имеет форму чемодана! А я установил (не я лично, а тысячи людей), что она круглая. Зачем мне, чтобы человек жил ради веры во лжи? Вера должна не бояться истины. Вера должна смело идти навстречу правде. Если этот человек считает, что правда заключается в том-то, он должен ее отстоять и показать мне, почему [это так]. Я говорю (не от своего лица, а от лица богословов), что мы, библиисты-богословы, на протяжении 150 лет изучая вопрос, пришли к такому-то выводу; если он считает, что вывод другой, — покажи почему. А вера стоит у обоих непреложно. Люди верили, когда они считали, что Земля плоская, когда считали, что Земля круглая, теперь верят, зная, что Земля вращается вокруг Солнца, — это вопросы вторичные. Верить в Бога, в Его Откровение, в Его истинное Писание можно при любом научном подходе, в том числе и к Священному Писанию. И поэтому я бы всегда предпочел, чтобы люди смелей и честней подошли к вопросу и не говорили: «Отцы сказали — я могу теперь дремать на печи, все, больше ничего не надо».

Как вы думаете, у людей, которые читают эти книги ваши, вера укрепляется? Вы говорите, и я не могу в этом сомневаться, — что это множество людей, тысячи...

Но цель моя такая была. Цель моя — укрепить веру в людях, но укрепить не за счет лжи. Понимаете, я не хочу и грамма лжи ради укрепления веры — не нужно, это все фикция. Богу шарманка эта не нужна. Ему нужна только правда. Если я убежден на основании определенных вещей, что это правда, я буду строить на этом, а вся золотая куча, которая была ложью, — не нужна Богу, Его не надо защищать фальшивыми вещами. Он не нуждается в этом...

Судить будет жизнь и Господь. Мне не приходится. Надо сказать, что это я не придумал, мне было дано благословение — не раз. И книги мои были одобрены многими епископами...

Дома в кабинете

Относительно книг... Вы уже вкусили, что означает слава, в той мере, которая не каждому доступна.

Например, меня в КГБ про это спрашивали. Вот и вся слава. Что мне всегда могут припаять за это дело — вот и вся слава.

Я специально этот вопрос поставил. Слава и власть — они неразрывные братья, и, однажды взявшись за это, властный человек едва ли отпустит ее.

Дорогой мой друг, когда пишешь книги, которые не печатают... Меня же последний раз печатали официально в советских — ну, в наших церковных журналах (правда, там много печатали, но давно все это было) — в 50–60-х годах. У меня напечатано около пятидесяти статей в нашем журнале¹ и в православных журналах за рубежом: в болгарских, немецких, итальянских... Славы никакой я не имею. И не только ничего не имею за это — даже книг собственных не имею, чтоб дать вам прочесть.

А за то, что печатают на Западе, там их распространяют, вам они ничего не откладывают, деньги никакие?

Нет, это бездоходное издательство, оно чисто церковно-благотворительное. Они работают для того, чтобы сблизить Церкви, печатают православных: архиепископа Луку напечатали, нашего владыку Вениамина, еще кого-то — и мои книжки...

Значит, такое, как у Солженицына — что печатали, в банке там откладывали ему за это деньги...

Абсолютно нет. Абсолютно. Ни копейки не лежит. Ни в каком банке.

* * *

...Я сторонник перехода на русский язык, но тут я не властен. Потому что я тут не один, и на меня все время охота идет в этом отношении. Каждое слово смотрят — чтобы я не нарушил предание старцев.

* * *

Лично ваше мнение: русский язык за горами где-то или маячит?

Хотел бы, чтобы это дело было. Непросто, даже не верится, что пробьется. У нас был митрополит Никодим в Ленинграде. Он ввел по всему

¹ Имеется в виду «Журнал Московской Патриархии».

С Верой Алексеевной Корнеевой

Ленинграду чтение Апостола на русском языке и еще кое-что. Он умер, перетрудившись, — его преемник все это поломал. Опять по-славянски зачирикали.

...Многие архиереи действуют на свой страх и риск. Но противников этого много. Кроме того, тут есть еще одно соображение, которого я не упущу: тексты богослужебные — вещь серьезная.

...для того, чтобы дать какие-то решения, надо серьезно подумать. Скоропалительные реформы — это тоже плохо. И я годами думал над всем: писал и думал, читал и думал, говорил и думал, понимаете? Надо же ведь не так просто, за здорово живешь. Для этого нужно время... И, может быть, я уже буду совсем седой, когда я какие-то еще более ясные решения [найду]... Нужно обдумывать.

Мы, многие люди, ищем таких пастырей, которые бы понимали истинное положение и были готовы к большему, нежели у них есть сегодня. Ведь кто-то должен это взять на себя, кто-то должен стать и во главе.

Но я слишком одиозная персона, так сказать, и так на мне ярлыки всякие висят — каких только нет! Я как чемодан, из-за границы приехавший, вот так — весь обклеен. Это специально на меня всякое вешают, чтобы парализовать мою деятельность. Не могут так — так они вот клеветой...

...я жду просто, когда Господь пошлет день для того, чтобы поднять все это, пробудить.

Но если это при вашей будет жизни и в самое близкое время, на какой стороне окажетесь? Вы уже задумывались?

Я всегда там, где дело Божие.

30 сентября 1982 г.

[Ответы о. Александра на вопросы, на которые в свое время отвечал Владимир Соловьев.
(Из архива З. А. Маслениковой)]

1. *Главная черта вашего характера?* Устремленность.
2. *Какую цель преследуете в жизни?* Служение делу Божию.
3. *В чем счастье?* В исполнении этого служения.
4. *В чем несчастье?* Не выполнить его.
5. *Самая счастливая минута в вашей жизни?* Их много.
6. *Самая тяжелая минута?* Тоже немало.
7. *Чем вы желали бы быть?* Самим собой, но имеющим больше сил и возможностей.
8. *Где желали бы жить?* Где хочет Бог.
9. *К какому народу принадлежать?* Пока доволен тем, что есть.
10. *Ваше любимое занятие?* То же, что и у Маркса (копаться в книгах).
11. *Ваше любимое удовольствие?* Получить новую хорошую книгу.
12. *Долго ли вы хотели бы жить?* Пока не выполню всех планов.
13. *К какой добродетели вы относитесь с большим уважением?*
К широте и терпению.
14. *Ваша главная привычка?* Писать.
15. *К чему вы чувствуете наибольшее сострадание?* К старикам.
16. *К какому пороку относитесь наиболее снисходительно?* Не знаю.

17. *Что вы больше всего цените в мужчине?* Чувство ответственности.
18. *В женщине?* Женственность и чуткость.
19. *Ваше мнение о современной молодежи?* Разное.
20. *О девушках?* Тоже.
21. *Верите ли вы в любовь с первого взгляда?* Да.
22. *Можно ли любить несколько раз в жизни?* Сомневаюсь, но, может быть, да.
23. *Сколько раз вы были влюблены?* Не считал, очень мало.
24. *Ваше мнение о женском вопросе?* Женщинам нужно дать — сокращенный рабочий день с той же зарплатой.
25. *Ваше мнение о браке и супружеской жизни?* Высокое.
26. *Каких лет следует вступать в брак?* Все равно, но лучше раньше.

27. *Что лучше: любить или быть любимой?*
28. *Покоряться или чтобы вам покорялись?*
29. *Вечно подозревать или часто обманываться?*
30. *Желать и не получить или иметь и потерять?*
[На вопросы 27—30 о. Александр не ответил, так же, как и Соловьев.]

31. *Какое историческое событие вызывает ваше наибольшее сочувствие?* Все случаи геноцида.
32. *Ваш любимый писатель?* Трудно сказать.
33. *Поэт?* Пушкин, Данте, не знаю.
34. *Любимый герой?* Не знаю.
35. *Героиня?* Ундина.
36. *Ваше любимое стихотворение?* Кое-что из Пушкина, Волошина, Лонгфелло.
37. *Художник?* Боттичелли.
38. *Картина?* Не знаю.
39. *Композитор?* Не знаю.
40. *Произведение музыкальное?* «Реквиемы» Моцарта и Дворжака, «Чистилище» Листа.
41. *Каково настроение ваше сейчас?* Нормальное.
42. *Ваше любимое изречение?* Суета сует.
43. *Поговорка?* Все там будем.
44. *Всегда ли следует быть откровенным?* Нет.
45. *Самое выдающееся событие вашей жизни?* Их много.

С Владимиром Архиповым и Владимиром Илюшенко. 1983 г.

С Мариной Веховой во дворе Сретенского храма Новой Деревни. 1985 г.

[Из письма Ю. Н. Рейтлингер]

...У нас пока без особых перемен, хотя одна есть: сменили настоятеля¹. 7 лет было довольно трудно, а под конец — совсем. Но сейчас легче. Я-то сам мог бы терпеть (хотя и порой терял терпенье), но главное: это сказывалось на людях, которые приходят в церковь. Много было у них на этой почве искушений.

Март 1983 г.

[Из письма Александре Орловой-Модель]

Дорогая Шурочка!

Не представляешь, как я был рад твоему письму, где ты рассказала о встрече с о. С[офронием (Сахаровым)]². Это действительно замечательный человек. Я читал его работы и восхищен. У нас есть общие знакомые, но лично нам не удалось повидаться, когда он приезжал. В сущности, ты угадала верно. Много есть ценного в западной традиции, но и восток кое-что значит. Для нас духовное все же остается на первом месте, его не заслоняет «светское» посюстороннее. А именно эта буржуазная приверженность к «миру» и делает благочестие многих католиков очень поверхностным. У нас — свои грехи: формализм, обрядоверие, слабое ощущение Евангелия, но нельзя отрицать то, что при всем том религиозность, вера подчас глубже, живее, сердечнее. Это, быть может, связано с более трудной историей восточных народов, м. б. еще с чем-либо. Но факт остается фактом. И мне было отрадно почувствовать твое настроение, когда ты вдохновилась встречей с носителем истинной духовности. Впрочем, я верю, что она есть не только у нас. Дух дышит, где хочет...

¹ В марте 1983 г. о. Стефана Середнего перевели в г. Красногорск, а в августе новым настоятелем стал прот. Иоанн Клименко.

² Архим. Софроний (Сахаров) (1896–1993) — духовный писатель и иконописец. Книга «Старец Силуан»

способствовала канонизации в 1987–1988 гг. его наставника преп. Силуана Афонского. Постригся (1926) на Афоне, с 1947 г. служил во Франции; основатель и первый игумен (с 1958 г.) монастыря св. Иоанна Предтечи в Эссексе (Великобритания).

* * *

...«Зеркало» я смотрел и был от него в восторге. Это очень тонкий, «бергмановский» фильм. Мы учились с ним (Т[арковским]) в школе. Поэтому в фильме мелькает наша улица Серпуховка. И стихи его отца хороши. И вообще он о вечном и глубоком в человеческой жизни.

* * *

...У нас после морозов ранняя весна. Наступил Великий Пост (сегодня суббота первой недели). Я это время очень люблю, и на этот раз тоже было очень отрадно и тихо. Между службами, урывками, занимаюсь. Все идет, как прежде. Да, о. Всеволод¹ умер, ты уже знаешь. Это действительно была эпоха. Очень значительный был человек, как и о. С[ергий] Ж[елудков], который умер вскоре после него. Дети и внуки растут, а старые уходят. Недалеко то время, когда наше поколение будет самым старшим.

1984 г.

Объяснительная записка²

В связи с полученной Вашим Высокопреподобием анонимной «Характеристикой» моих взглядов и церковнослужения имею сообщить Вам следующее.

Вот уже несколько лет неизвестное лицо время от времени присылает мне обличительные послания в весьма агрессивном тоне. Подписи автора обычно не стояло. Лишь один раз он назвался Петром Ивановым и дал обратный адрес: Главпочтамт, до востребования.

Как мне стало известно, эти опусы были включены в нелегальные рукописные сборники и журналы. Судя по стилю и характеру обвинений, я нисколько не сомневаюсь, что и данное широковещательное обличение, адресованное к ведущим иерархам Русской Православной Церкви и представителю гражданской власти, исходит от того же человека. Только теперь он уже говорит от лица «верующих Русской

¹ Прот. Всеволод Шпиллер (1902–1984).

² Эта записка адресована благочинному прот. Зиновию Анисимову, клирику храма в Братовщине. Анонимная «характеристика» с 1998 г. до насто-

ящего времени распространяется как «Открытое письмо митр. Антония (Мельникова)». По стилю и содержанию письмо не могло иметь никакого отношения к уважаемому владыке.

Православной Церкви», хотя странно, что простые верующие располагают такими зарубежными изданиями, как «Посев», и цитируют (с точностью до страницы) эмигрантскую литературу (да и к тому же слово Бог пишут с маленькой буквы). Теперь — по существу вопроса.

I. Анонимный автор изобличает меня в «католицизме» и приводит в доказательство ряд аргументов.

1. Некоторые мои работы были опубликованы (за последние 17 лет) католическим издательством. Но эти работы, когда я их писал, для него не предназначались. Публикация их объясняется тем, что цель этого издательства — «содействие взаимопониманию между католиками и православными» (М. Э. Поснов. История христианской Церкви. Брюссель, 1965, с. 8). Подобная цель не может рассматриваться как вредная для Государства и противоречащая Православию. Русская Православная Церковь постоянно молится «о соединении всех» и уже давно осуществляет сотрудничество и собеседования с римокатоликами (Русская Православная Церковь. М., 1980, с. 170–171). В рамках этого диалога, проходящего во имя мира и взаимопонимания, также в виде акта доброй воли, издательство и печатало не только своих, но и многих православных авторов (еп. Феофана, еп. Игнатия Брянчанинова, архиеп. Луку Войно-Ясенецкого, прот. Никольского, Арсеньева, Поснова; Типикон, православный Акафистник, труд еп. Вениамина Милова и др.). В свете этого я и воспринял публикацию некоторых моих работ, видя в ней элемент одобренного нашей Церковью и полезного для Церкви диалога.

Пока основная моя работа по истории религий не была завершена, я не ставил имени автора (псевдонимы даны не мной, а редакцией). Должен отметить, что книга о богослужении выходила по частям в ЖМП (1960, №№ 1, 7, 8, 9, 11; 1961, №№ 1, 2, 4, 5) и почти полностью в «Голосе православия», 1976, № 7). Мое собственное первоначальное заглавие было: «Православное богослужение, его строй, символика и смысл». Оно было изменено издательством на «Небо на земле» (название, взятое из православного источника — митр. Вениамина Федченко). Не соответствует действительности то, что книга вышла при моем «непосредственном сотрудничестве». Достаточно указать, что фотографий к ней я не прилагаю. Поэтому естественно, что редакция взяла снимки (правда, далеко не всюду) со своих храмов (чем особенно возмущается автор «Характеристики»).

2. Я не вижу ничего преступного в употреблении термина «Восточная Церковь», тем более, что из контекста ясно, что речь идет о Церкви Православной. Аноним считает, что, описывая чинопоследование Литургии, я должен был говорить не о «предстоятеле» вообще, а назвать по имени Святейшего Патриарха. Но я употребил общую формулировку лишь потому, что в книге речь идет о службе в любой из Поместных Православных Церквей.

3. Характеризуя мои работы, аноним пишет: «Все эти книги имеют миссионерскую направленность и прямо или косвенно проповедуют католичество в его униатской форме». Я решительно отклоняю такое обвинение. Во-первых, я никогда не одобрял унии. Во-вторых, автор, видимо, не удосужился даже просмотреть мои книги. Почти все они посвящены вопросам Основного богословия и истории религий. Как же можно проповедовать католичество в трудах по индийской мистике, пророкам, греческой философии или религии Древнего Египта?

4. К изданию униатского молитвенника я не имею ни малейшего отношения и даже не знал о нем, хотя аноним делает из меня чуть ли не его составителя.

5. С полной ответственностью перед Богом и людьми я свидетельствую, что среди людей, которые являются действительными моими прихожанами, не существует «группы лиц, которая исповедует католицизм». Это абсурд. Если бы такие люди и появились, они должны были бы покинуть мой (и любой другой) православный приход. Если же кто из верующих бывает в городах, где есть много инославных храмов, то они посещают их как туристы и как люди, знакомящиеся со службами других конфессий.

6. Я не благословлял, как уверяет мой обличитель, и не мог благословлять переход в инославие, в частности и потому, что я всегда был принципиальным противником решения межконфессиональных проблем путем «личных уний» и прозелитизма.

7. Анонимщик даже уверяет, что я входил в «самочинное общение с католической иерархией». Ни одного инославного иерарха я лично не знаю. Все это чистый вымысел.

Домашние крестины Ани Логвиненко. Слева направо: Наталья Белевцева, Лариса Карпицкая

Слева направо: Ольга Вайнер, Сергей Бессмертный, Анна Дробинская, о. Александр, Светлана Домбровская, Инна Балаховская. 1986 г.

У Сретенского храма Новой Деревни с настоятелем о. Иоанном Клименко и причтом. 1986 г.

8. Мое отношение к диалогу между христианскими исповеданиями ни на йоту не расходится с общепринятым в Православии. Напомню слова, сказанные Святейшим Патриархом Пименом о таком диалоге: «Мы верим и знаем, что встречи эти, которые привлекают внимание чад Римской Католической Церкви и Православных Церквей и вызывают интерес в христианской экумене, представляют собой вклад в развитие между нами братского взаимопонимания, совместного утоления нужд человечества и среди них мира и справедливости между народами, и венца всех христианских подвигов и добродетелей — любви» (Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения. М., 1977, с. 307).

На страницах наших церковных изданий и в деятельности наших иерархов и богословов мы постоянно находим верность этим словам, большую широту и братскую веротерпимость. Эта широта проявляется и в совместных молитвах (напр., во время Рождества и Пасхи), в участии нашей Церкви во ВСЦ. Дух мира и взаимопонимания дорог и мне как рядовому священнику. Именно таков мой мнимый «католицизм». Повторяю: то, что я кого-то якобы «благословлял» на отпадение и даже «руководил» им, как заверяет аноним, — чистая ложь и клевета, исходящая от человека, который питается необоснованными слухами и дезинформацией. Недостойным приемом является и намек на мое «влияние» на о. Г. Якунина. Если уж автор «Характеристики» так много обо мне знает, он должен был бы знать, что, хотя я учился и дружил с о. Г. Якуниным лет 30 назад, я не вдохновлял его известной деятельности и не принимал в ней никакого участия.

II. Столь же нелепы обвинения в мой адрес, связанные с иудаизмом. Никогда не имел к нему никакого отношения. И вообще — не подхожу к категории «богоискателя», как с чужих слов называет меня «Характеристика». Я с младенчества воспитан в Православии, с 15 лет нес клиросное послушание, прошел обе наши духовные школы, 27 лет — у Престола.

Мне и в голову не приходило посещать зачем-то синагогу, «благословлять» на это кого-либо или вообще тяготеть к отжившему законничеству.

1. Для подкрепления своих изобличений аноним приводит слова, вырванные из контекста моего так называемого «интервью». Происхождение его следующее. Более 10 лет назад неизвестный человек остановил

меня в церковном дворе и просил ответить на несколько вопросов о евреях и христианстве. Не видя в этом ничего предосудительного, я высказал ряд своих частных соображений по частным вопросам, отнюдь не зная, что они будут где-либо напечатаны. Естественно, я говорил с этим человеком, следуя словам св. ап. Павла: «Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев [...] для чуждых закона — как чуждый закона — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу — чтобы приобрести чуждых закона» (1 Кор 9. 19–21). В моих ответах аноним усмотрел «неправославие», в частности потому, что я будто бы не признаю Церковь истинным Израилем. Это искажение или намеренное непонимание моей мысли. Я именно говорил о Вселенской Церкви как преемнице Церкви ветхозаветной.

2. Как можно обвинять меня в национализме, когда я прямо сказал, что мне претит любое национальное превозношение. Вместе с ап. Павлом я убежден, что «не все те израильтяне, которые от Израиля» (Рим 9. 6). В своих ответах я имел в виду, что бремя ответственности, которое некогда было возложено Богом на людей Ветхого Завета, лежит и на тех их потомках, которые вошли в Завет Новый. Эти вошедшие и составляют «остаток», о котором говорит апостол (Рим 11. 5). Что же касается неуверовавших иудеев, то я опять-таки не выходил за пределы учения апостола: «В отношении к благовестию, они враги ради вас, а в отношении к избранию, возлюбленные Божии, ибо дары и призвание Божие непреложны» (Рим 11. 28–29).

3. К этому примыкает вопрос о ветхозаветных обрядах, которые лично для меня не имеют никакой притягательности. Но вопрос этот особенно занимает анонима. Толкуя решение Апостольского собора, он утверждает, что Собор вообще «упразднил иудаистские обряды». Однако это противоречит прямому свидетельству Слова Божия. Обряды были упразднены для «обращающихся к Богу из язычников» (Деян. 15. 19). Для христиан из иудеев они были тогда оставлены, и известно, что эти христиане их ревностно соблюдали (так, например, пишет Евсевий об ап. Иакове: Церковная история, II, 23). Далеко не все могли возвыситься до свободы, которую проповедовал ап. Павел, и Церковь в данном случае проявила братское снисхождение. Но понятно, что эта уступка никак не касается членов Русской Православной Церкви (или другой

В кабинете. 1986 г.

поместной церкви), каково бы ни было их происхождение. В этом смысл 65-го и 70-го правил, на которые ссылается аноним. Если же где-то вне Русской Православной Церкви и нашей страны существуют христианские общины, которые вернулись к традициям первенствующей Иерусалимской Церкви времен ап. Иакова (ср. Деян 21. 20), то это их внутреннее дело. Меньше всего я считаю себя компетентным решать подобные, далекие от нашей жизни и Церкви, вопросы и никогда не имел намерения, как пишет аноним, «создать в недрах Православной церкви независимую автокефальную иудео-христианскую общину».

В заключение сошлюсь на совершенно ясное толкование Апостольского собора, данное покойным ректором МДА, прот. А. Горским, в его «Истории Евангельской и Церкви Апостольской» (М., 1902, с. 409–410).

4. Анонимный автор упрекает меня в том, что я поставил вопрос о канонизации муч. Гавриила и Евстретия. Но ведь я не претендовал на его решение. А о том, что они не были формально канонизированы, говорил еще приснопамятный митр. Филарет Московский. Вообще же окончательное решение подобных вопросов принадлежит церковному священноначалию и Соборам.

5. «Характеристика» постоянно извращает смысл моих слов, говоря, например, что я усматривал у всех православных антисемитизм. Я никогда не выдвигал такого несправедливого обвинения. Напротив, я подчеркивал, что лично с ним не сталкивался и что это явление свойственно лишь отдельным лицам и кругам (но не как норма, а как пережиток).

Мой обличитель располагает обо мне «данными», которых я сам не имею, ссылаясь на то, что это ему «известно». Вижу, что в данном случае я, очевидно, стал жертвой злонамеренных наговоров.

Возвращаясь к моим книгам, я должен заметить, что если читать с такой заведомой недоброжелательностью (мягко говоря), то в любой книге можно найти что-то «неправославное», тем более, что мы, в отличие от католиков, свободны от связанности формальным авторитарным органом, на который можно было бы ссылаться. Дух православия — это дух любви и свободы, как прекрасно показал А. С. Хомяков. Но в «Характеристике» вместо этого духа я нахожу дух инквизиции и «охоты на ведьм». Как иначе понять того, кто изображает пятидесяти-

летнего пастыря, тридцать лет отдавшего служению Церкви, чуть ли не ее врагом? Отвергая предъявленные мне обвинения, я, тем не менее, искренно сожалею, если каким-либо неудачным словом или выражением дал повод для подобных эксцессов, и испрашиваю прощения у Высшего Священноначалия и у Вашего Высокопреподобия как благочинного.

Загорск, 14 декабря 1984 г.

[Из писем В. Л. Леви]¹

Я до смешного не рефлектирующий над собой тип... Если ищущий подтверждения, то только делового: идет или не идет? Мы рядовые, живущие присягой... Кроме того, от чувства самости успешно оберегают неудачи, ответственность, утомление и опасность. Увы!..

У меня научный склад ума, а наука учит смирению. Ну, сделал то-то и то-то. Ну, одной книгой больше. Что это в сравнении с безмерностью задач? Я всегда ощущаю спиной все происходящее, все масштабы. Может быть, в этом и есть здравый смысл...

...Мне служения вполне хватает... Писанина лишь один из его вариантов... Может, порой и выйдет лучше. Один теолог зарубежный однажды сказал: «о. А. менее интересен, чем его книги». И слава Богу! Тут мы близки. Книга — стрела, пущенная из лука. Ты отдыхай, она за тебя потрудится...

[Из письма Ю. Н. Рейтлингер]

...Окончил статью о Льве Жилле². Спасибо даже за те скудные сведения, что сообщили. Ведь многое теряется безвозвратно. С проблемой о. Сергия [Булгакова] дело для меня обстоит сложнее. Я впервые прочел его книги еще школьником. Он очень на меня повлиял (особенно до-революционный). Осуждение его софиологии я воспринял как чисто внешний акт, продиктованный не богословием, а политическими и церковнополитическими соображениями (нужно было дискредитировать

¹ Владимир Львович Леви (р. 1938) — врач-психиатр, психолог, писатель, художник. Автор воспоминаний об о. Александре.

² О. Александр написал статью о французском православном писателе архим. Льве Жилле для Библиологического словаря.

«раскольника», идеолога «евлогийанцев» и сам институт. За это ухватились консерваторы, которые видели в о. С[ергии] «интеллекта», «философа», чужого им человека. Всего этого не заметил покойный В. Лосский, который написал очень плохую книгу о нем (сам он потом ее стыдился). Я же отнюдь не отрицаю софиологии. Просто это выходит за пределы моего мышления, за рамки моего скудного опыта. И вообще у о. Сергия была великая любовь к догматическому богословию, а у меня к нему нет вкуса. Одна из причин — вполне элементарная. Я привык знать и помнить, как много тайн в мире природы. Естественно-научная закваска приучила меня к метафизической «скромности». Когда меня допрашивают, например, о Филиокве или о Непорочном зачатии, я спрашиваю: а знаем ли мы, как из белковых молекул образовалась жизнь или как происходит размножение летучих мышей? Нет. Так как же мы дерзаем «анализировать» подобные тайны? Где у нас инструмент для этого? Разум и логика? Но они здесь неприменимы до конца. Откровение? Но оно не говорит ясно об этих тайнах. Таким образом, догматические построения являются чем-то глубоко проблематичным. Я не знаю, на что опереться, когда попадаю в эту область.

Юлия Николаевна Рейтлингер в Ташкенте

Более того, считаю свои знания в этой сфере недостаточными, чтобы судить кого-либо, тем более о. С. [Булгакова]. В сущности я вообще богословием занимаюсь для других. Я просто верю, что истина у Бога, и она превосходит мое понимание, и она прекрасна. Мне лично этого достаточно (это касается, например, загадки зла). Меня нередко обвиняют в рационализме, между тем я от него весьма далек. И на первое место ставлю веру, веру, которая является для нас единоспасающей.

Уверен я, что можно и должно молиться о мире. Ведь такая молитва идет в унисон с желанием и волей большинства людей. К войне же влечет их мертвый механизм слепых сил. Здесь воля человека порабощена обстоятельствами. И все же я верю, что Господь не напрасно создал нас и в конечном счете все обратит к добру, развеяв нашу тьму и грязь, и глупость.

Август 1985 г.

[Из писем Александре Орловой-Модель]

Дорогая Шурочка!

...Что касается меня, то я в относительном порядке. К счастью, мой сад дает мне возможность отдыха. По-прежнему тружусь не покладая рук. Уже нахожусь на середине буквы П¹, хотя материалы далеко не всегда легко достать...

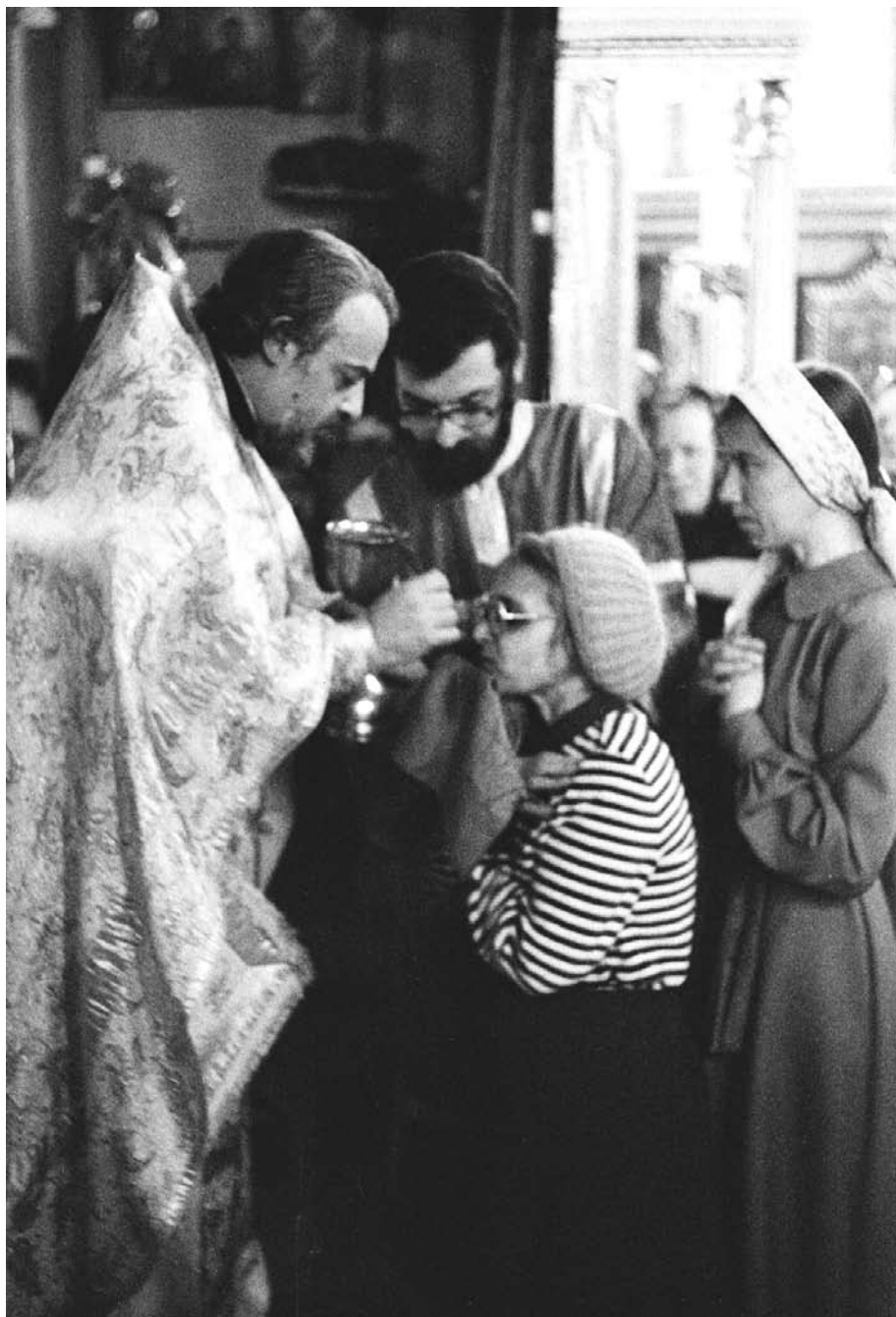
* * *

...Стремительно идут годы. Раз проезжая мимо Вашего бывшего дома, вспоминал, как мы там были с о. Сергием [Хохловым]. Я уже писал тебе, что он скончался от диабета (перед смертью я его соборовал). Словом, одни растут, другие старятся и уходят. Младший сын его пошел по его стопам.

У нас лето прекрасное. Дома в саду чудесно. Сейчас у нас в сборе все семьи. Но летом места всем хватает. Я же, как обычно, в те урывки времени, которые остаются от очень напряженной работы, продолжаю свои труды (уже кончаю П, хотя до отпуска, как думал, не кончу, уйду с 1-го сен.). Запомни одно правило: когда мы внутренне предаемся Промыслу, Он действует даже в ничтожных мелочах жизни. Это самое дорогое в жизни.

Август 1986 г.

¹ Речь идет о работе над Библиологическим словарем.

Причастие в Сретенском храме Новой Деревни (прислуживает Владимир Архипов, у Чаши Софья Рукова, за ней Елена Васильева)

12 июля 1987 г.

Беседа после венчания

Домашняя встреча. Слева направо: Владимир Архипов, Ольга Ерохина, о. Александр, Михаил Завалов, Светлана Долгополова, Сергей Бессарабский, Марина. 1987 г.

[Из писем Р. И. Колесниковой¹]

...Было у меня на той неделе важное событие, единственное в таком роде за все годы служения. Выступал в школе, говорил со старшеклассниками о духовных ценностях, о христианстве, о культуре. Встретили они меня на удивление хорошо. После беседы два часа не отпускали, задавали разнообразные вопросы, в основном серьезные и содержательные. Идя туда, я, признаюсь, трепетал. Опыта нет. Но все прошло хорошо, по-моему. Так же оценили эту встречу и в газете «Известия», где об этом поместили небольшую статью (потом ее передали по радио). Каково! Пять лет назад ни один самый заядлый оптимист не смог бы предположить такое...

25 августа 1988 г.

¹ Раиса Ильинична Колесникова вышла в Канаду на постоянное жительство к своей дочери. Ее переписка

цитируется по книге В. И. Илюшенко «Отец Александр Мень: жизнь и смерть во Христе». М., 2000.

...Посылаю Вам вырезку из газеты, как Вы просили. С того времени я еще два раза был в школе. Об этом будет репортаж в итал. журнале «Фамилia Кристиана» (журналист их там был). Не знаю, сколько еще продлятся такие возможности. Но я бесконечно ценю каждую: и в институтах, и в больницах, и в исследовательских центрах. Ощущение такое, словно все уже готово для Слова. Люди слушают с полной открытостью, хотя бывают и настороженные, особенно из околоцерковных консерваторов. Спасибо, что мой митрополит¹ дает мне благословение на это и поддерживает. В этот месяц должны быть вечера во Дворце культуры, в Бауманском и в Останкинском телецентре. Я, разумеется, каждый раз жду красного света, но это уж не моя забота...

1 декабря 1988 г.

Дорогая Раиса Ильинична!

Мне тоже было очень радостно, что Вы смогли вырваться и побывать на моем вечере. Хотя сейчас лето, отпуска, жара, но все же я это дело не оставляю. Вчера был в одном из академич. городков. Кинотеатр был полон. Была исключительно теплая, вдохновляющая атмосфера. Я не пожалел, что сократил свою поездку в Зап. Берлин и вернулся...

...Сегодня, как и вчера, я чувствую себя только орудием в Божиих руках. Все делается само собой. Я только рад, что что-то могу сделать, но не своими силами, а с нечаянной помощью свыше.

...Во время встреч и вечеров мне часто говорят: мы от вас ждем ответа на насущные вопросы. Как быть? Что делать? Это и отрадно и печально. Ведь мы не можем помочь в мгновение ока. Мы сами во многом пострадали за времена застоя. Однако стараюсь делать, что могу. Сейчас свои лекции, беседы и вечера я умножил до 4–5 в неделю. Сил нет отказываться. А зовут всюду. На днях был в Звездном у космонавтов, а вчера в академгородке. Веду циклы в шести Домах культуры. Разумеется, приходится упрощать многое, т. к. аудитория в большинстве своем мало что знает. Более «грамотные», наверно, этим недовольны. Но они могут обо всем прочесть самостоятельно. Вошел в редколлегию двух журналов. Пишу непрерывно. Многое удастся напечатать (парадоксально, что это все светские органы). Я стараюсь не задумываться, а все предоставить воле Божией. Что дается — беру, как из Его рук...

23 июня 1989 г.

¹ Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков).

В школе № 64

[Из письма В. Купченко¹]

...У меня все по-прежнему. Служу там же. Работаю так же напряженно. Дети выросли. Внучка уже в 6-й перешла. Дочь художница. Сын играет и поет. Растет еще и внук. За период последних застойных лет написал я книгу очень большую, на 2,5 тыс. маш[инописных] стр. Сейчас мне разрешают печататься в широкой прессе (уже было несколько публикаций), выступать по ТВ, радио, читать лекции (раз-два в неделю в разных вузах, школах, ДК и т.д. Уже прочел ок. 70-ти. Народу всегда много. За все слава Богу. [...] Тоже недавно был за рубежом в Польше и Зап. Берлине. Но там не задерживался. Дел здесь много, а жизнь коротка...

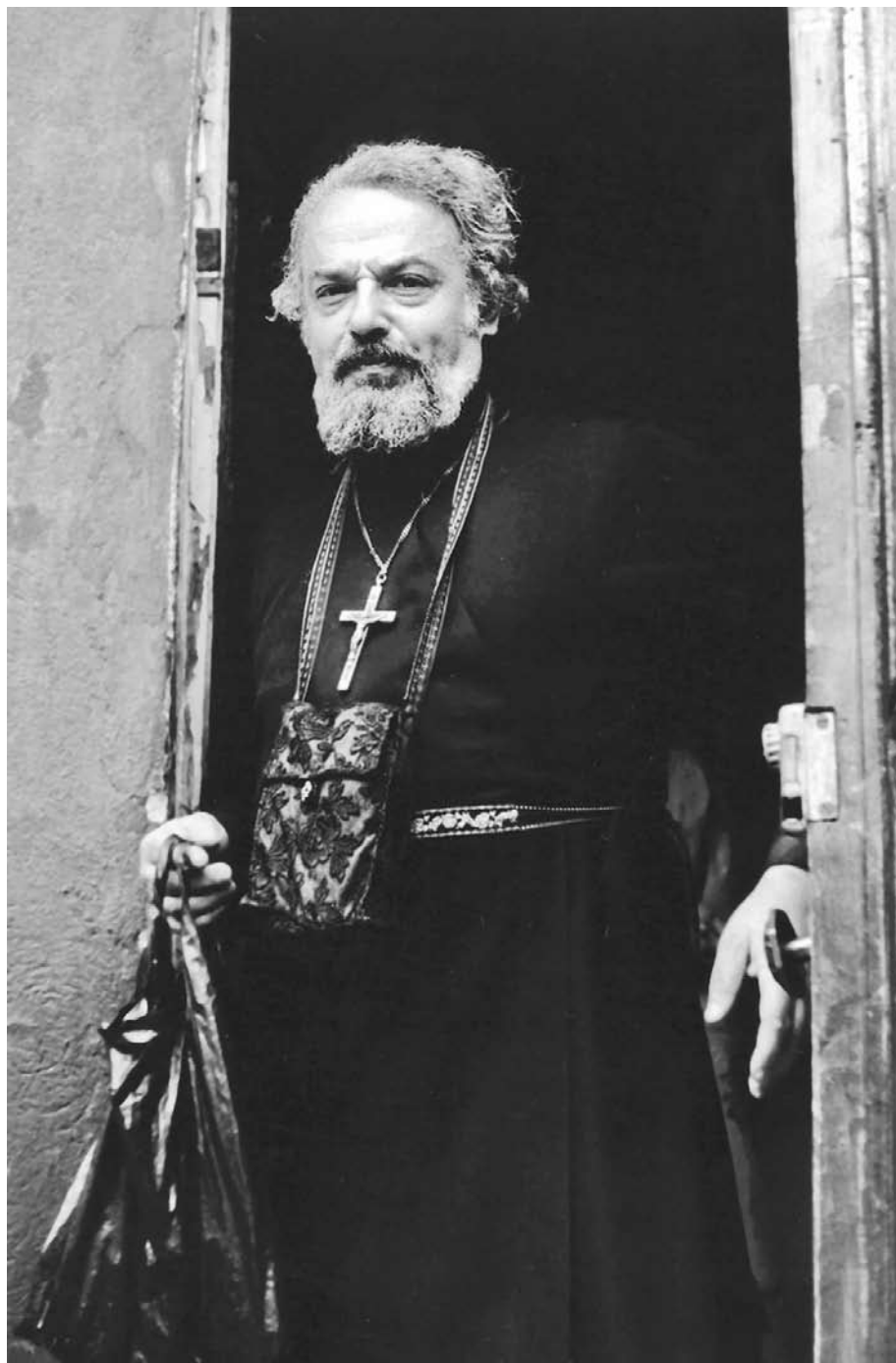
29 августа 1989 г.

¹ В. П. Купченко (1938–2004), один из исследователей личности и творчества Максимилиана Волошина, был директором Дома-музея Волошина;

автор книги «Жизнь Максимилиана Волошина». СПб., 2002, которую в рукописи читал и рецензировал о. Александр.

У Сретенского храма Новой Деревни (слева направо: Юрий Беленький, Екатерина Гениева, их дочь Даша, Саша Безносков, о. Александр, Андрей Черняк)

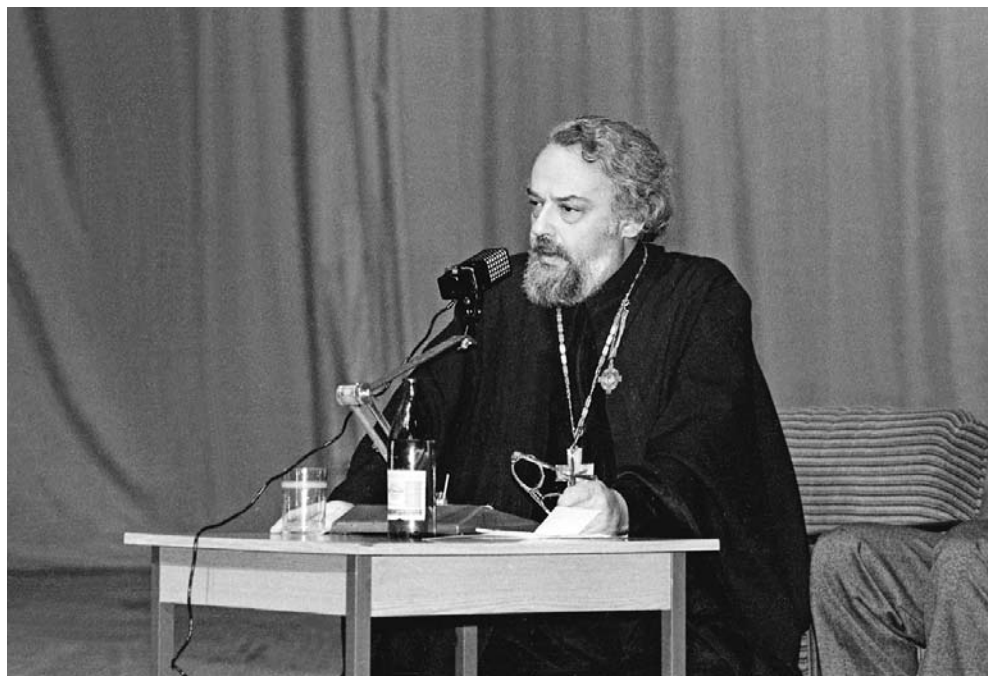
о. Александр выходит из дома при Сретенском храме Новой Деревни на требы

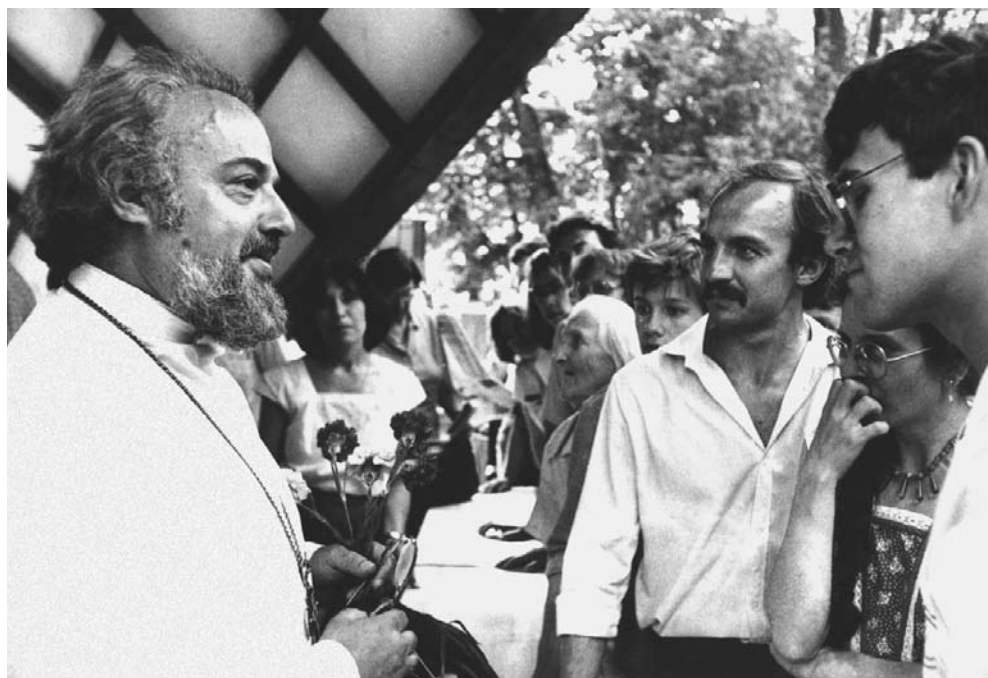
В Институте стали и сплавов. 1988 г.

Центральный дом литераторов. 1989 г.

Лекция «Два понимания христианства». 1989 г.

После выступления в парке им. М. Горького. 1990 г.

* * *

Какое впечатление на вас произвел столь стремительный переход от катакомб к шумному миру телеэкранов?

Что касается моей работы в Церкви, изменения носили скорее количественный, чем качественный характер. Просто, когда я говорю, передо мной уже не тридцать–пятьдесят человек, а сотни и сотни. Но то, что я говорю людям, не изменилось. Естественно, ответственность возросла, но, думаю, если Бог сегодня дает нам «мирской амвон», Он поможет нам и исполнить наш долг.

Тысячи записок с вопросами, которые я получаю во время лекций, свидетельствуют о том, какой большой интерес у людей к нравственным и религиозным вопросам, к духовной жизни, к Церкви. Впрочем, я не единственный представитель Церкви, у которого сегодня есть возможность обращаться к широким слоям светской общественности. Многие епископы, преподаватели религиозных дисциплин пользуются этой возможностью, чтобы возвещать многим людям христианские ценности, отвечая, тем самым, на давно созревшую потребность. Все мы очень рады этой ситуации и благодарим Бога, Который послал новые времена, времена «открытых дверей».

25 ноября 1989 г.

[Из писем Р. И. Колесниковой]

Поздравляю Вас с Праздником Рождества. В честь него мы на днях провели рождественский вечер. И где? В Библиотеке иностр. лит-ры. Пел наш хор, показывали рожд. слайды, раздавали Новые Заветы; вел вечер я, а потом пришел зав. Библ[иотекой] В. В. Иванов, депутат, и сказал теплую речь. Затем Аверинцев читал свои рождеств. стихи. Словом, трудно вообразить. На днях благодаря Маше я был принят в их ин-т преподавать почасовиком библеистику¹.

Я долго не писал Вам, т. к. был в Италии. Музеев не видел. Каждый день выступал с проповедями и лекциями — от Милана до Рима.

¹ Маша — Мария Петровна Илюшенко, в то время доцент Московского государственного историко-архивного института, договорилась с руководством о том, что о. Александр будет

читать студентам курс по библеистике. Фактически он прочел в этом институте девять лекций по Ветхому Завету (сохранились аудиозаписи только шести последних лекций).

Хотя время мое сейчас очень насыщено, я благодарю за это Бога. Тут нет ничего моего. Я ощущаю себя почти что инструментом. И хочу, чтобы Он говорил через меня. [...]

Январь 1990 г.

...Я погружен в свои обычные труды, Вам известные: храм, писание, школа, институты, воскр. школа, больницы, Библейск. об-во, издательск. дела и пр. Теперь меня спокойно публикуют в разных органах — «Огонек», «Наше наследие», «Знание — сила», «Наука и жизнь», «Лат[инская] Америка» и т. д., включая газеты. За все слава Богу. От лекций отдыхаю до 1 сентября. А с сентября сокращу до 10 в месяц. Веду постоянные передачи по радио. Приходят сотни писем, даже из тюрем. Сам не пойму, как успеваю отвечать, хотя бы на часть... Во всем и всегда вижу Промысел Божий. Даже в случайных встречах. «Случайно» удалось побывать в «Жизни с Богом»...

Лето 1990 г.

В палате Республиканской детской клинической больницы

На требы. Новая Деревня. 1989 г.

Проповедь в Сретенском храме Новой Деревни

...уровень жизни катастрофически падает. Прямо не знаешь, за что взяться. Всюду — беда. Организовали вторую группу милосердия, на сей раз уже в Пушкино... Скоро начинаем занятия с детьми в воскресной школе. Страшновато. Опыта нет. Учебников нет. Но в приходской библиотеке кое-что собрали. Если кто сможет, мы за все (присланное на церковь) будем благодарны. Много Евангелий идет для заключенных. Теперь им разрешается получать. Из тюрем мне пишут, что у них начались молитвенные собрания и общение. Все это уголовники. Пишут мне большие письма, порой очень волнующие.

Словом, настало время работы в полную силу. А время ограничено. Ваша помощь и помощь верующих, которых Вы «пробудите», окажется неоценимой.

Я воспринимаю это время как Суд Божий. Теперь мы все узнаем, кто на что способен. Думаю, что сделать что-то можно лишь с помощью свыше. Обычных сил недостаточно...

Конец августа 1990 г.

[Из писем В. Л. Леви]

...Неизвестно, сколько все это продлится. [Имея в виду открывшуюся только в последний год жизни возможность свободно выступать перед широкой аудиторией. — В.Л.]

Если я сейчас не сделаю того, что нужно, потом буду жалеть об упущенном времени... Не так просто понять того, кто десятилетиями был посажен на короткую цепь... Времени мало. Мне, например, если проживу, активной жизни — лет 10–15. [В действительности ему на тот момент оставалось прожить только два с половиной месяца. «Если проживу» — вставлено «со спины»... — В.Л.]

Это капля. Я работаю, как и работал, при большом противном ветре... А сейчас он (особенно со стороны черносотенцев) явно крепчает. Приходится стоять прочно, расставив ноги, чтобы не сдуло...

...Не тревожься за меня... Я ведь только инструмент, который нужен Ему пока. А там — что Бог даст... Обнимаю тебя...

Лето 1990 г.

С женой Наталией, дочерью Еленой, внучкой Алей

[Из домашней беседы]

С «перестройкой», с началом общего духовного, интеллектуального и социального возрождения люди, формально не входящие в Церковь, начинают открывать нравственные ценности, поднимать ключевые вопросы. И многие оглядываются в сторону христиан.

На христиан смотрят с уважением, восхищением и надеждой, потому что наивно думают, что на протяжении застойного периода и предыдущих десятилетий Церковь была заповедником, где за глухими стенами сохранялось в нетронутом виде то, что было потеряно обществом. Но, как справедливо отметил академик Лихачев в своем интервью к 1000-летию крещения Руси в «Огоньке», Церковь была среди народа, и когда народ переживал кризис, она переживала его вместе с ним, и в ней были те же застойные явления, еще, может, и в большем масштабе.

* * *

Скажите, а со своими детьми вы нашли взаимопонимание? Они люди верующие?

Да. Думаю, что нашел. Я им все объяснял с самого начала. И ситуацию в стране объяснял. Говорил им о правде, о Боге, о жизни. В школе все было другое. Верить или не верить — они сделали свой выбор... Они верующие люди.

Что дала вам семья?

Семья мне дала так много, что сказать об этом трудно. Без семьи себя с трудом представляю. Знаю, что быть моей женой дело трудное. Но, кажется, моя — вполне справляется. Но рецептов дать не могу. Все живут по-своему. Я, в частности, не требую от жены непосильного включения в мои дела. Дай Бог ей тянуть все в целом. А с делами мужчина должен справляться сам. Впрочем, я не делю в домашней жизни вещей на женские и мужские. Это (за некоторым исключением) пережиток иного бытового уклада.

* * *

Говорят, у вас тоже были неприятности [до перестройки].

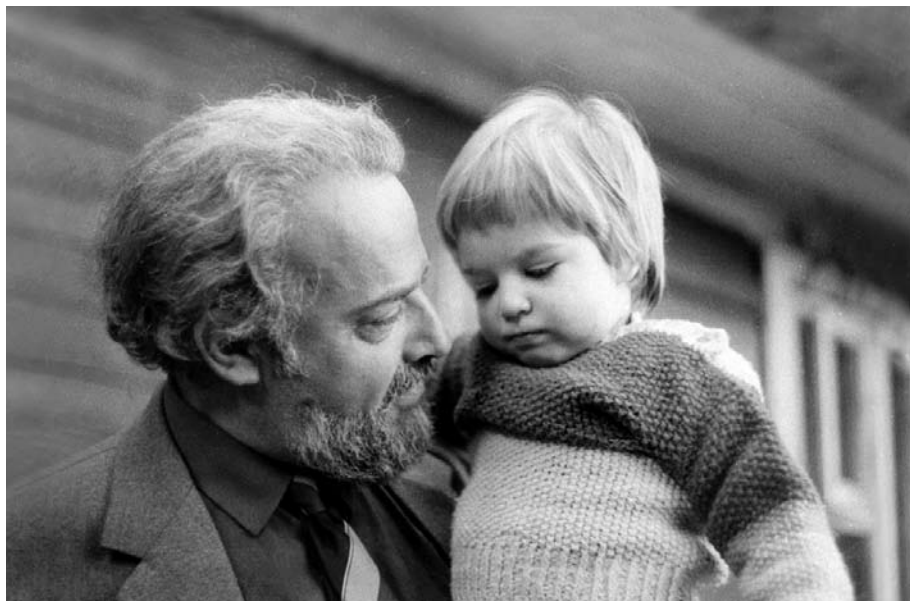
В юности у меня был духовник, отец Петр Шипков. Он пробыл в лагерях и ссылках 30 лет. Потом его реабилитировали. На фоне его мытарств мне даже как-то неловко говорить о том, что было со мной. Скажу так: в трудные годы я научился ценить каждую минуту. Благодарю Бога за то, что имею возможность служить без перерыва четвертый десяток лет.

При всем этом многие считают вас еретиком.

Все это пустые домыслы. Я никогда не защищал учений, которые были бы осуждены Церковью. В православии присутствует дух свободы и допускаются различия в так называемых «теологуменах», богословских мнениях. Но порой люди, которые забывают об этом, выдают неудобные им мысли за ересь. Только и всего.

Судя по вашим публикациям в светских журналах, вы пишете и для верующих людей, и для неверующих...

Для меня все люди — дети Божии. И в неверующих я никогда не верил. Для меня атеист — это верующий, не осознавший свою веру. Потому что Бог живет в душе каждого человека.

С внуком Сашей

И если бы сейчас священникам разрешили идти служить в тюрьмы, вы бы пошли?

Конечно! Там обязательно нашлись бы люди, которым мы нужны...

Отец Александр, могли бы вы год назад представить себе несколько лекций в день, ваш творческий вечер в ЦДЛ, статьи в «Иностранной литературе», «Горизонте»?..

Сейчас я чувствую себя подобным стреле, которую долго держали на натянутой тетиве. Я всегда делал то, что требовал мой долг, но масштабы были ограничены. Апостол Павел говорил: «Горе мне, если не возвещаю Евангелие». Но все мои мечтания сбылись. Кроме одного пока — работы в кино. Совершенно серьезно! Некоторые мои теоретические труды можно экранизировать.

Теоретические богословские труды?

Да. Я хотел бы сделать серию документальных фильмов об основах христианства. Вероятно, для меня было бы идеалом сделать фильм «Библия». И документальный, и художественный...

* * *

Кто из мирян, встреченных на жизненном пути, оказал на вас влияние?
Увы, мало было людей старшего поколения, которые поддерживали меня в моих устремлениях. Скорее наоборот — я ощущал себя в вакууме. Но с благодарностью молитвенно вспоминаю Н. Е. Пестова (экуменизм), Б. А. Васильева (наука и религия), С. И. Фуделя (тонкость мысли, друг нашей семьи), Д. Е. Мелихова¹ (вера в необходимость трудиться и быть христианином в повседневной жизни) и своего учителя В. Н. Скалона², специалиста по биологии и историка одновременно. Это был замечательный человек. Я был его студентом, и мы очень дружили. В общем же, большое влияние на меня оказали контакты с «маросейской средой» и с А. В. Ведерниковым (умение служить делу Церкви в сложных условиях).

* * *

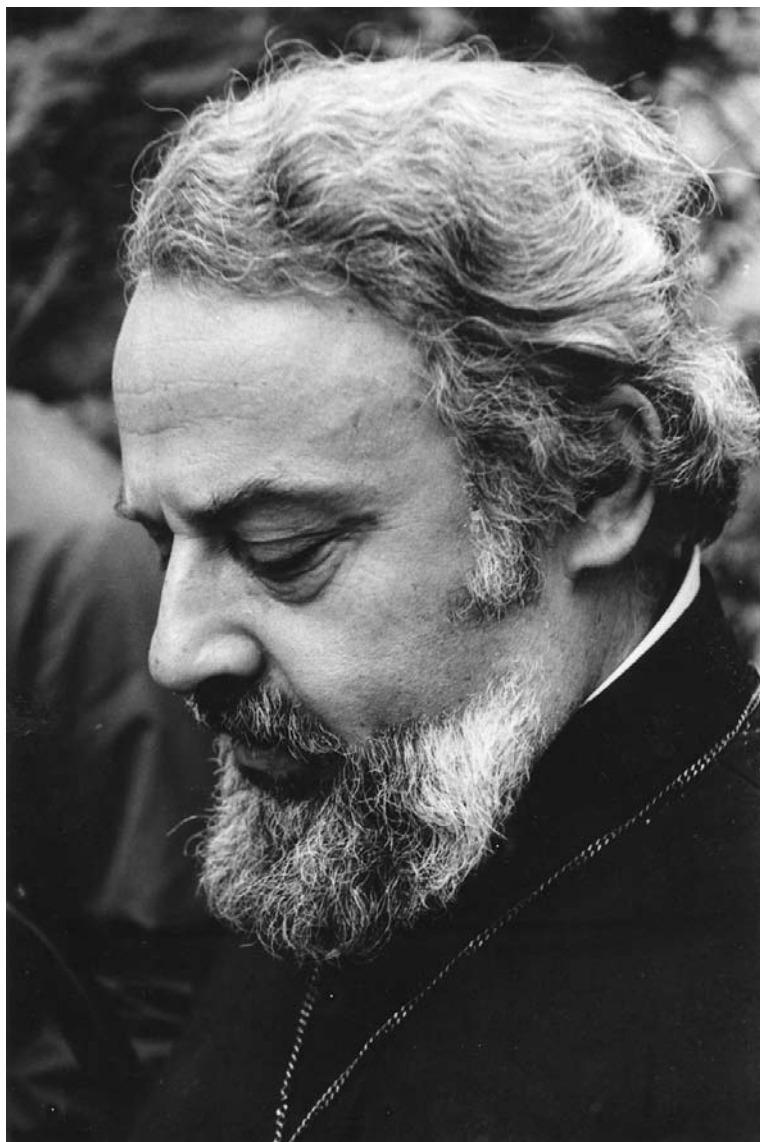
Как вы ощущаете на себе благодать священства? Что в вас изменилось после рукоположения?

Я чувствую в себе больше сил, даже физических. До рукоположения я был значительно слабее физически. Это парадокс — я был моложе... на 30 лет. После рукоположения я стал способен выносить нагрузки, в пять раз большие. Кроме того, за каждой литургией я получаю таинственный квант духовной энергии; в общем, я могу чувствовать такую близость Божию, которую раньше не ощущал...

¹ Дмитрий Евгеньевич Мелихов (1899–1979), профессор, доктор медицины, директор Невропсихиатрического института им. П.Б. Ганнушкина; автор 170 научных работ, а также незаконченной рукописи «Психиатрия и проблема духовной жизни», адресованной одновременно клирикам и медикам. Опубликовано в 1997 г. (В книге очерк «Н. И. Пирогов и вопросы жизни» по ошибке приписан Мелихову; автор очерка – В. Я. Василевская.) Д. Е. Мелихов поддерживал тесную связь с «маросейскими».

² Василий Николаевич Скалон (1903–1976) — доктор биологических наук, профессор. По его инициативе в 1947 г.

в Иркутском сельскохозяйственном институте было открыто отделение охотоведения, и он стал первым заведующим кафедрой. По свидетельству современников, в своих суждениях иногда бывал резок и категоричен, но вместе с тем они всегда преклонялись перед его прямоотой и принципиальностью. Кроме биологии серьезно занимался историей Сибири. В. Н. Скалон, живой свидетель бесчеловечности советских властей в Сибири во время Гражданской войны и коллективизации, не побоялся поделиться со студентом А. Менем своими воспоминаниями.

Лето 1988 г.

* * *

Кто из святых прошлого и настоящего привлекает вас более других и почему?

С детства любил святителя Дмитрия Ростовского, святого Иустина Мученика (за поиск истины), преподобного Серафима (за все его светлое). Преподобного Сергия считал своим покровителем. Крестили меня близ Лавры. В Загорске, по воле судеб, прошла большая часть моей жизни. Из западных всегда любил Франциска Ассизского, а потом Франциска Сальского. Любил Златоуста (с детства много читал его и о нем). Очень дороги мне были миссионеры-святые, начиная с апостола Павла. Вообще всегда очень чтил святых и чувствовал их близость, молясь им.

* * *

Христианство утверждает, что Церковь едина. Означает ли это, что католики и православные входят в одну Церковь? Входят ли в нее староверы?

С моей точки зрения, входят все. Все христиане истинные входят в христианскую Церковь в широком смысле слова. В более узком — в институциональную Церковь входят православные, католики, армяне. Это очень сложно...

* * *

Как складывается ваш обычный день?

Каждый церковнослужитель принаравливает день к обстоятельствам своей жизни. У меня лично и дни, и даже часы довольно строго расписаны. Когда есть служба, я встаю рано, около пяти. Еду в Новую Деревню — в храм. Там богослужение, исповедь, требы, а затем беседы и общение с прихожанами, которые в этом нуждаются. Потом, если нет вызова к больным, еду по делам. При удобном случае иду до станции пешком вместо прогулки.

Если же выходной — с утра до обеда пишу, а после обеда — хозяйственные дела, письма, редаKTуpa, отдых — книги, музыка, телепрограммы.

* * *

Ваш распорядок дня, когда вы дома?

Обычно я сажусь за работу в девять утра, а до этого — все необходимое, включая молитвенное правило и прочее. Пишу до часу, а потом занимаюсь домашними делами (или в саду). В два обедаю. После обеда уборка, просмотр журналов, художественной литературы, отвечаю на

письма (их довольно много: в среднем пять–семь в день). С пяти до шести или позже в саду или в доме. До семи редактора своего и чужого, слайды, сценарии и прочее. В семь ужин. Потом — отдых в виде чтения или ТВ. Ложиться стараюсь не позже десяти-одиннадцати.

Ваш распорядок дня, когда вы служите?

Когда служу, то возвращаюсь по-разному. Обычно после пяти. И тогда расписание идет обычным ходом.

Издавна имею привычку читать Священное Писание и Отцов на сон грядущий. Утром читаю два правила: одно дома, а второе по пути. В праздничные дни, если возможно, во второй половине дня — «размышления» над текстом Священного Писания или на основе духовных книг.

Прежде систематически ездил в Москву и принимал дома людей. Но уже больше десяти лет езжу в Москву мало и дома живу отшельником (из-за обилия народа в церкви).

* * *

Если бы политика по отношению к религии тогда была другой, стали бы вы священнослужителем или предпочли науку?

Мое решение не зависело от политики. Но если бы ситуация была иной, я бы, вероятно, сочетал научную работу с пастырской и богословской, как это делали на Западе Васманн¹, Тейяр де Шарден или Пауэлл².

* * *

В чем вы видите причины неудач с наиболее талантливыми духовными детьми?

Вопрос сложный. Думаю, что те люди, которых я так или иначе потерял, поддались искушению тщеславия. Им подсознательно хотелось сделать что-то необыкновенное. Им казалось, что это просто. Словом — обычные человеческие страсти. Я мог бы их подавить в зачатке, приняв метод авторитаризма и патернализма. Но я не могу и не мог этого сделать. Здесь уход в сторону. Подмена веры «отцом». Все должно строиться на свободе. Это тяжелый дар и, конечно, риск.

¹ Эрих Васманн (1859–1931), австрийский зоолог-энтомолог, доктор наук и монах ордена иезуитов; в 1906 г. в своих лекциях утверждал, что библейское учение не исключает

эволюционного происхождения человеческого тела.

² Джон Пауэлл (р. 1926) американский священник, имеет ученые степени по психологии, истории и теологии.

* * *

Я должен отметить, что, работая с людьми преимущественно как пастырь, я не позволял себе заниматься узко научным богословием, ибо считал, что такое богословие допустимо только в тех условиях, в которых найдутся читатели. У нас же люди в основном требуют хлеба, простой пищи, и я работаю в этой «пекарне». После меня, может быть, придут люди, которые будут изготавливать пирожные. Моя задача — делать хлеб.

Интервью испанской журналистке Пилар Бонет для журнала «Панорама»

Что изменилось в Русской Православной Церкви с тех пор, как Горбачев пришел к власти?

Горбачев совершил революцию в сфере отношений между Церковью и государством. Большевицкая система была задумана как система абсолютной авторитарной власти. Но абсолютная авторитарность возможна только там, где никакого другого авторитета нет. Поэтому с самого начала было задумано разрушить те институты, которые представляли собой иные авторитеты — духовные. Поэтому режим с самого начала был антирелигиозным, воинствующе антирелигиозным, и он не менялся в этом отношении принципиально в течение всех семидесяти лет. Только Горбачев волевым актом изменил это русло. Это исторический факт. Изменились не просто детали, а изменилась история Церкви в нашей стране.

Какие течения имеются сейчас в Православной Церкви?

Довольно мощным является течение консервативное, которое резко противопоставляет себя Западу, враждебно относится ко всем реформам, идеализирует прошлое, берет из прошлого наиболее жесткие модели, я бы сказал средневековые. Это очень популярная в определенных кругах тенденция. На западном языке это можно назвать «правое», глубоко правое направление.

Вы спросите: почему это так в Церкви? Одна из причин — искусственный отбор, потому что все живые, экспериментирующие

Во дворе Сретенского храма Новой Деревни. На заднем плане Владимир Шишкарев

После праздничного богослужения у входа в Сретенский храм в Новой Деревне. В центре митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков). 15 февраля 1990 г.

силы внутри Церкви беспощадно уничтожались в течение нескольких поколений. Если епископ проявлял дух свободы, независимости, эспериментаторства — его сразу отправляли в провинцию или на покой, то есть на пенсию.

Как в обществе, так и в Церкви.

Да. И поэтому сохранились, выжили и размножились самые правые, самые консервативные. Их любили чиновники, их любил КГБ. Не будем скрывать, что власти нравилась Церковь, выглядевшая как осколок седой старины, как музей.

В 60-х годах среди духовенства были люди свободные, передовые. Их оттеснили. Епископы были консервативны. Сейчас среди епископов есть уже более открытые, а среди рядового духовенства больше консерваторов. Но все-таки тенденция охранительства, то есть консервативная, всюду господствует. Более того, либералы ее побиваются.

Они живут как в подполье в определенном смысле?

Да. Общий уклон сейчас такой. Это реакция на разрушение национальных ценностей. Раз не устраивают коммунисты — сразу давай монархию, идеализация монархии; раз не устраивает партийный аппарат — давайте восстановим Церковь в том виде, как она была до революции. Хотя забываем, что именно потому, что она была такой, произошла катастрофа. Это никого уже не интересует. Ностальгия по прошлому.

Насколько все это опасно?

Это все очень разочаровывает людей, уставших от идеологического гнета. Они искали среди христиан открытой позиции, а встречают новый вариант закрытого общества.

Вас не смущает, что сейчас Русская Православная Церковь демонстрирует полную неспособность к обновлению? В этом отношении с ней может сравниться только КПСС, не так ли?

Конечно. Тут разница только в том, что Церкви помогает Бог, а партии — нет.

Собрание общества «Культурное возрождение». Рядом с о. Александром Владимир Архипов. На переднем плане Лина Салтыкова, Андрей Черняк, Анатолий Краснов-Левитин, за ним Владимир Поспеловский

Что вы думаете о так называемых карловчанах?

Это Церковь еще более консервативная, чем Русская Православная Церковь, и она монархическая — вот что в ней привлекает. А больше ничего... Вообще, религиозное пробуждение — вещь естественная. У нас, в целом, общество потенциально довольно религиозное. И когда его лишили веры, оно перенесло свою религиозность на политику. Сейчас произошло разочарование в старых богах и снова возвращение к традиции.

Понятно, что коммунизм не любил национального, потому что он хотел нивелировки. Ему нужны были не нации, а граждане. Коммунисты поступили так же, как цари Древней Ассирии. Когда они завоевывали страну, они переселяли оттуда побежденных и ввозили на их место жителей других покоренных областей.

Зачем это делается? Чтобы люди потеряли свое национальное лицо. Чтобы не было очага сопротивления. Чтобы все стали только подданными царя. И как реакция на это, как самозащита какого-то культурного целого национализм вполне понятен, это закономерно. Это не вполне нормальное состояние, это реакционно, но все-таки это реакция законная.

Но это переходное явление или?..

Да. Дело в том, что людям это надоест. Все время заниматься культурным нарциссизмом — это надоедает. Даже самые глубокие патриоты в конце концов уже устают от этого.

И Россия сейчас находится в фазе нарциссизма?

Нет, скорее он только поднимается. Но он вреден, он опасен, потому что заставляет общество идеализировать самое себя. Это очень свойственно и нашим клерикальным кругам. В восторге от себя. Когда мы, верующие, справляли тысячелетие Крещения Руси, не было сказано ни одного слова покаяния, ни одного слова о трагедии Русской Церкви, а были только восторг и самоупоение.

Я понимаю, что каждая культура, каждый народ так или иначе любит свое «я», но сейчас это в таком виде, что мы любим себя, но не любим ничего другого. Даже католики в нашей стране стали националистами. Возьмем грекокатоликов Украины. Казалось бы, они принадлежат к универсальной, интернациональной Церкви, — но выступают как националистическая группировка. Католики-литовцы — тоже нацио-

Занятия воскресной школы в Сретенском храме Новой Деревни. 1990 г.

налисты. После долгого угнетения национальных традиций начался процесс возвращения к ним. Этот процесс надо уважать. И я уважаю, я понимаю, что творчество может быть только национальным, в конкретных формах. Но в то же время необходимо предостерегать от опасности поправления. Понимаете, модель открытости приемлема для тех, кто твердо стоит на своей позиции, кто уверен в ней. Тот, кто не уверен, под кем нетвердая почва, — тот предпочитает закрытую модель, ему так удобнее.

Лет пятнадцать тому назад у меня был один юноша, и он стал посещать иногда баптистов. Я ему говорю: вы же православный, естественно, вы можете там быть, потому что всюду Церковь, всюду Христос, всюду Евангелие. И это посещайте, и свои церкви не забывайте. И когда я ему развил открытую модель, он сказал: ой, как мне неудобно! Кончилось тем, что он стал баптистом.

Этот человек мог быть или баптистом, не признающим православных, или православным, который клянет баптистов. Он должен был иметь маленькую норку. Говорят, царь Петр имел такую болезнь психическую — он боялся больших пространств. Он себе делал маленькие комнатки и прочее. Такая есть болезнь — боязнь пространства.

А куда идти тем, кто ищет левый уклон?

Некуда. Оставаться в рамках Московского Патриархата. Некоторые пытаются уйти в католическую систему. У меня из прихода ушли два-три человека.

А вы сами об этой возможности не думали?

Для меня Церковь едина, поэтому я не считаю это осмысленным.

Консервативное течение в Церкви имеет отражение в военных и политических кругах?

Да, это поддерживают наши нацисты, их много у нас. Вот «Память» — это все нацисты, фашисты, они на этом растут как на дрожжах. А почему антиэкуменизм? Потому что экуменизм требует от человека уважать чужую модель христианства. А у нас вместо этого — ненависть. Слово «католик» почти ругательством стало теперь, как во времена Тараса Бульбы.

Вы видите какие-то конкретные тревожные симптомы в последнее время?

Ну, если называть зарождение русского фашизма не тревожным, то что тогда тревожно? Конечно! И его очень активно поддерживают очень многие церковные деятели. Произошло соединение русского фашизма с русским клерикализмом и ностальгией церковной. Это, конечно, позор для нас, для верующих, потому что общество ожидало найти в нас какую-то поддержку, а поддержка получается для фашистов. Конечно, не все так ориентированы, но это немалый процент. Я не могу сказать какой, я этого не изучал. Но куда ни сунешься, с кем ни поговоришь, — этот монархист, этот антисемит, этот антиэкуменист и так далее. При чем развешиванием ярлыков занимаются люди, которые вчера еще не были такими. Понимаете? Нет, это характерно, веяние эпохи! Эпоха реакции. Когда Горбачев открыл шлюзы, то хлынули и демократия, и реакция. Но реакция всегда более агрессивна.

Пасха. 1990 г.

Я была недавно в Тюмени, там познакомилась с одним священником. Разговаривала с ним — такой нормальный человек, милый, и вдруг в какой-то момент он мне говорит: да, я Москве не доверяю, там полно сионистов... Там Церковь полна евреев...

Сионистофобия — это типично. В семьдесят пятом году, пятнадцать лет тому назад, я давал интервью, которое напечатали в Париже. И там меня спрашивали, есть ли антисемитизм в Церкви. Я говорю: я не сталкивался. В массовом масштабе. Прошло пятнадцать лет — полностью изменилась картина. Я бы уже так не сказал сейчас. Это стало одной из характерных черт, к сожалению.

Вы... еврейского происхождения?

Да.

Мне неловко так спросить...

Ну а что тут такого?

Дело в том, что вы, в вашем положении, просто идеальная мишень для антисемитизма.

Ну, разумеется, разумеется, я это ощущаю. Я служу давно, тридцать с лишним лет, но это — только теперь. В настроениях, в разговорах — в общем, во всем.

Сейчас в консервативных кругах есть идентификация коммунистов и евреев?

Да, но это искусственно, потому что много евреев среди большевиков было лет шестьдесят тому назад. Мое поколение уже этого не помнит. Я помню власть, которая состоит из русских, украинцев и кавказцев. Еврей там был один Каганович.

Тогда проблема заключается в том, что народ не хочет признаться в своем соучастии в том, что произошло в этой стране?

Сделайте сравнительный анализ денацификации в Германии и десталинизации у нас. И вы поймете.

А вы лично — как вы представляете себе вашу работу в этом смысле?

Никак. Я работаю! Есть люди, которые пишут историю, а есть люди, которые в ней живут и действуют. Я принадлежу ко второй категории.

Да, но когда вы проповедуете, у вас есть какие-то мысли...

Вот здесь эти мысли все! (*Показывает на Библию.*)

В Библии...

Конечно. Евангелие — основа жизни.

[Из письма Михаилу Гальперину]

У нас жизнь трудная, но насыщенная работой. Что будет завтра — не знаем. Пока же я делаю что могу: служу, начинаю воскр[есную] школу, институты, радио, ТВ, пресса и пр. Кроме того — больницы и др. Даже с заключенными интенсивно переписываемся. Теперь им разрешают слать лит-ру. В день — около 10 писем... За все это — слава Богу.

Август 1990 г.